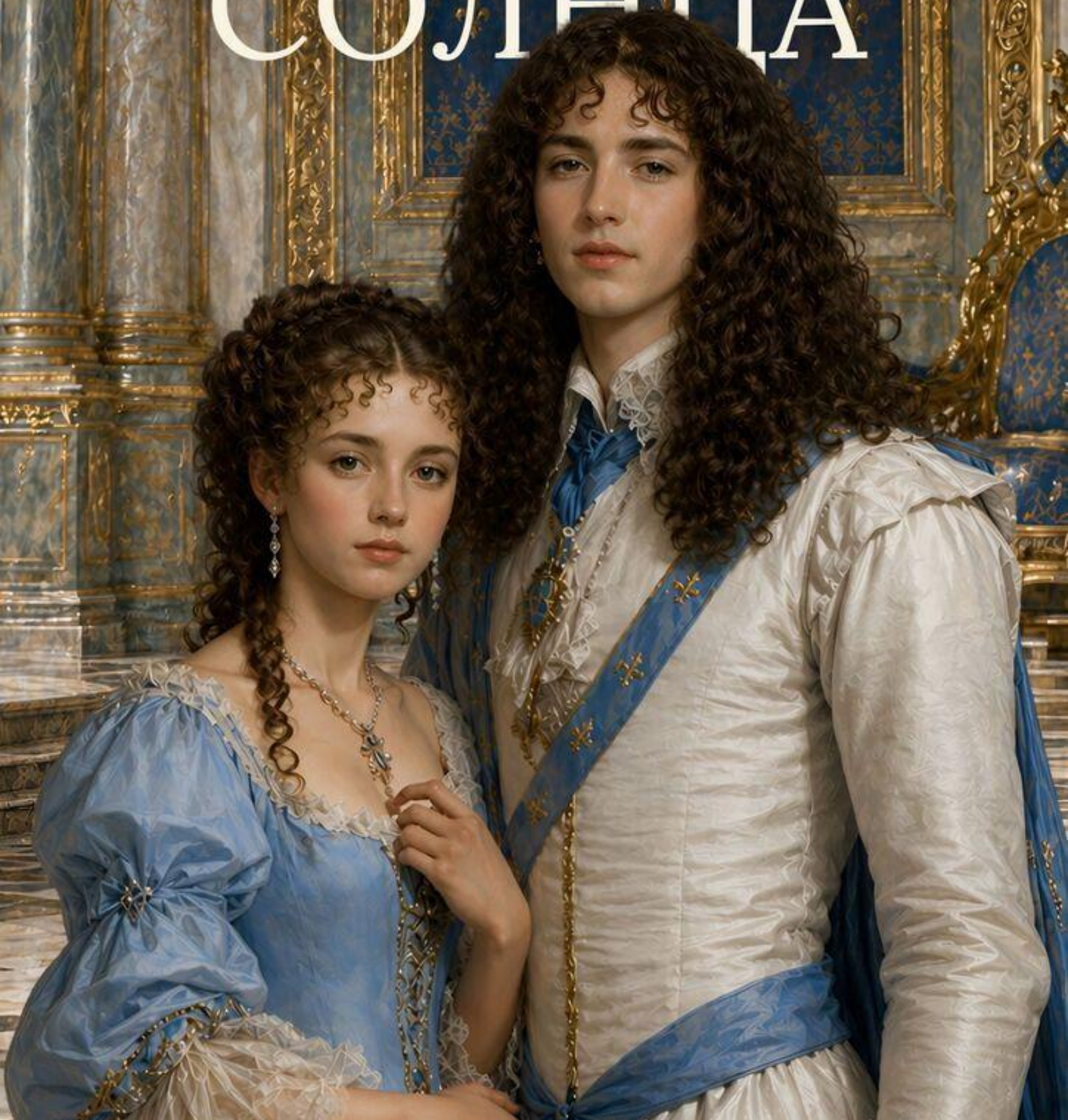

18+ РОБИН КАЭРИ | ТОМ I

В ТЕНИ СОЛНЦА

Робин Каэри

В тени Солнца. Том I

«Издательские решения»

Каэри Р.

В тени Солнца. Том I / Р. Каэри — «Издательские решения»,

Апрель 1661 года. Людовик XIV впервые берёт власть в свои руки — и Париж затаил дыхание. Свадьба Генриетты Стюарт и Филиппа Орлеанского обещает ослепить Европу, но за блеском фейерверков уже плетутся заговоры и кое-кто пытается навязать молодому королю свою волю. Маршал дю Плесси-Бельер готовит ловушку для врагов короны и продолжает поиски архивов Медичи. Любовь и преданность идут наперекор расчёту. Каждый шаг может оказаться роковым. Праздники в Фонтенбло запомнят не только по их великолепию.

© Каэри Р.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I. Предсвадебная суматоха	13
Глава 1. Новые секреты	13
Глава 2. Тайны маскарада	19
Глава 3. Представление ко двору	26
Глава 4. Королевский подарок	33
Глава 5. Сила уступает нежности	37
Глава 6. Переполох в Париже	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

В тени Солнца. Том I

Робин Каэри

Дизайнер обложки Dominique Leostelle

© Робин Каэри, 2026

© Dominique Leostelle, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-0893-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-0894-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Что случилось на Королевской площади, остаётся на Королевской площади

Март 1661 г. Париж

— Он увёз мою сестру!

Панический возглас взорвал тишину уютного кабинета. Из деликатности князь Радзивилл собрался выйти, но дю Плесси-Бельер жестом остановил его. Опустив перо в чернильницу, маркиз посыпал песком законченное письмо, свернул лист втрое и, капнув воск из расплавленной над свечой палочки, приложил к нему печатку. Затем он поднялся из-за стола и подошёл к пылающему праведным гневом де Неверу.

— Так это была она?

Вопрос был задан тихо, но вовсе не затем, чтобы убедиться в ужасающей истине. Отметив отчаянье, сквозившее во взгляде юноши, дю Плесси-Бельер решил остановить истерику, чтобы предотвратить возможный скандал.

— Да, боже всемогущий! Этот каналья похитил её! — юный герцог кричал, смешивая французскую и итальянскую брань, при этом не обращая внимания на распахнутую дверь кабинета. — Да! Это была О...

— Не надо имён! — оборвал его маркиз и, резко схватив за руку, заставил юношу сесть, после чего захлопнул дверь.

— Да, это была она! — повторил Филипп, переводя умоляющий взгляд с маркиза на князя.

— А он — это тот господин в маске с ястребиным носом? — уточнил князь.

— Да! Это был он! Это Конде, я узнал его! — выпалил Филипп и, запустив тонкие пальцы в белокурый парик, сорвал его с головы и в сердцах отшвырнул на пустой табурет.

Оба его собеседника переглянулись между собой. Дю Плесси-Бельер с тяжелым вздохом провёл рукой по лицу, взгляд его синих глаз помрачнел. Однако он не спешил озвучивать свои мысли так же, как и Радзивилл, который оставался невозмутимым внешне, и только отбивал пальцами ритм по подоконнику.

— Мы должны спасти её! — воскликнул де Невер и патетически заломил руки над густыми каштановыми кудрями, готовый рвать их в иступлении. — Вы же знаете, что этот негодяй способен на всё... Он погубит мою сестру!

— Принц не лишён галантности, — произнёс Радзивилл, занявшись напитками, стоящими на столике у окна.

Он разлил арманьяк по бокалам и предложил выпить де Неверу и дю Плесси-Бельеру со словами:

— Насколько я успел узнать Его высочество, он — человек чести.

— Предатель! — выпалил Филипп и взмахом обеих рук едва не опрокинул протянутый ему бокал.

— Выпьем! После бурного вечера всем нам не достаёт ясности в головах, — посоветовал дю Плесси-Бельер и в качестве примера пригубил тягучую янтарную жидкость, — как и логики в суждениях.

— Как вы можете оставаться таким спокойным? — запал Филиппа не иссяк и после того, как он осушил свой бокал.

С силой поставив пустой бокал на стол, он вскочил на ноги и принялся ходить взад и вперёд, то и дело заламывая руки в жесте отчаяния:

— Он везёт её к границе. Может быть, пока мы тут рассуждаем, уже увёз её во Фландрию. Может, он уже... Или в Шантильи?

— Спокойствие, друг мой! — князь прервал бурный поток речи, вызванный страхом за сестру, и крепко обнял де Невера за худые плечи, заставив смотреть себе прямо в глаза. — Не станем предполагать самое худшее в человеке, который пока ещё не дал нам повода считать себя подлецом.

— Я не согласен с вами, князь, — заговорил дю Плесси-Бельер и кивнул де Неверу. — Да, принц не поступит бесчестно с дамой, равной себе по положению. С королевой. Или с принцессой крови, — он выдержал пылающий гневом взгляд герцога, — но любая другая особа в его глазах — всего лишь женщина.

Он замолчал и поправил перевязь со шпагой, а затем добавил:

— Из этого следует, что певица из Итальянской оперы, каковой вы представили на маскараде вашу сестру, всего лишь трофей в глазах принца. Не более того. Когда же...

— Этого не будет! — вскричал Филипп.

— Когда же выяснится, кто она, это сразу охладит его пыл, но вряд ли остановит от нанесения оскорбления, — холодно закончил свою мысль дю Плесси-Бельер и распахнул дверь кабинета. — Я намерен предотвратить это. Пока принц не знает, кто на самом деле находится в его руках, мы можем спасти положение.

— Положение? Я готов убить его, а не спасать!

Филипп первым выбежал в коридор, но грозный оклик дю Плесси-Бельера остановил его:

— Вы погубите её!

— Что? Как? Я?

Теряя контроль над собой под действием крепкого арманьяка, брат жертвы похищения был готов обрушить гнев на любого, кто встанет у него на пути.

— Вы останетесь, Филипп! Численность не сыграет нам на руку, но приведёт к шумихе, вследствие которой разразится скандал. Я еду один.

— Нет! Он же бандит и не посмотрит на то, кто она и кто вы!

— Принц даже не поймёт, кто похитил его трофей, — заявил дю Плесси-Бельер, завязывая на затылке шнурки полумаски, — а если и поймёт, то спишет это на наше с ним старое дело, — и совсем тихо добавил:

— Молитесь, чтобы он не узнал её вовсе.

— Я не могу отпустить вас одного. Как временный поверенный в делах принца, — князь Богуслав встал между молодыми людьми и мягко надавил ладонью на руку дю Плесси-Бельера, сжимающую эфес шпаги, — я обязан помешать принцу совершить поступок, который запятнает честь дамы и погубит его репутацию. Будь эта женщина хоть герцогиней, хоть примой Итальянской оперы — в глазах выборщиков в сейме Речи Посполитой этот поступок будет одинаково расценен как преступление. Более того, как грубое нарушение законов гостеприимства. Ведь все мы здесь являемся гостями мадам де Брэ, не так ли?

— Князь, к сожалению, в отношении законов гостеприимства ваш кандидат давно преступил все мыслимые границы, — возразил дю Плесси-Бельер, но позволил отвести свою руку от рукояти шпаги. — Что ж, едем!

— Я сейчас же велю заложить карету!

— Не время ждать! — вмешался де Невер. — Невозможно медлить и полагаться на галантность этого негодяя! Он предал моего дядю и королеву! Он предал самого короля!

Князь взглянул в лицо де Невера, и даже в темноте, царившей в коридоре, было видно, как сверкнули его серые глаза, но он с тем же хладнокровием произнёс:

— Мы отправимся верхом. Но вы же не хотите, чтобы я или маркиз привезли Великую графиню обратно в Париж поперёк седла, как отвоёванный трофей? Карету для её светлости пришлют в то место, которое я укажу.

— А вам известно, куда? — с недоверием спросил Филипп.

— Я сам оплатил аренду особняка вблизи дороги, — ответил Радзивилл. — Надеюсь, друзья мои, этот факт будет благополучно забыт впоследствии?

— Ничего этого не было, Ваше высочество, — согласился дю Плесси-Бельер и кивнул де Неверу, — мы не слышали этого из ваших уст. И если этот факт не вскроется каким-либо образом, мне не о чем будет сообщать королю.

— Разумеется.

Оставив де Невера наверху, дю Плесси-Бельер и Радзивилл спустились по лестнице для прислуги и вышли во двор. Князь ушёл в конюшню для того, чтобы распорядиться о карете и сборе своих людей. Зная несговорчивый характер Конде, он рассчитывал на успех стремительного налёта и похищения Алой маски, но вовсе не на то, что принц беспрекословно позволит вернуть её в Париж.

Франсуа-Анри шёл к коновязи, погружённый в мысли. Зачем, что подвигло графиню де Суассон на этот безумный поступок? Отправиться на маскарад, когда не прошло и двух недель после смерти её дяди кардинала Мазарини! Риск быть узнанной под ненадёжной маской столь велик! С другой стороны, даже он не сумел разглядеть Великую графиню в скрывавшей лицо под алой маской дерзкой особе, которая не дала ни единого шанса на продолжение знакомства никому из круживших вокруг неё весь вечер поклонников. И нет, причиной тому была не разборчивость опытной и знающей себе цену примадонны, а гордость римлянки, готовой пронзить врага и себя кинжалом, чтобы не уступить свою честь.

— Безумство! — вырвалось у него, когда, вскочив в седло, маркиз перебрал повод и направил коня к воротам.

— Воистину! — согласился с ним князь. — Женщины способны на многое из того, о чём мы можем лишь фантазировать.

У Франсуа-Анри было что сказать на этот счёт, но бешеный галоп не располагал к философствованию. Всю дорогу до особняка, который нотариус парижской коллегии снял от имени Радзивилла, оба ехали молча. Каждому было что обдумать и взвесить, прежде чем с головой окунуться в эту авантюру.

Похищение женщин из низшего сословия и даже дворянок не было из ряда вон выходящим событием, хотя и осуждалось законом как светским, так и церковным. Рассчитывать на снисхождение и тем более на благоразумие мятежного принца было глупо. Конде считал себя вторым по значимости лицом после короля, который в его глазах владел правом судить и миловать всего лишь формально. Каким образом убедить принца отказаться от притязаний на захваченный трофей в лице безвестной певички, каковой представилась особа, явившаяся в Алой маске на маскарад в салоне матери дю Плесси-Бельера, Сюзанны де Брэ?

Мысленно князь перебирал аргументы, ища наиболее убедительные, чтобы воздействовать на Конде и избежать громкого скандала, который неизбежно приведёт к срыву договоренностей с выборщиками в сейме, до чьих ушей неминуемо дойдут слухи о нелицеприятном поступке претендента на корону Польши.

— Особняк вон там, за холмом, — князь указал на виднеющийся вдали огонёк.

— Вы постарались выбрать наиболее удалённое место для решения ваших дел, — оценил одинокое расположение старинного особняка дю Плесси-Бельер.

— Достаточно близко к Парижу, но в стороне от главной дороги.

— От той, по которой проедет королевский двор? — усмехнулся дю Плесси-Бельер.

— Да. И от дороги на Венсенн.

Об этом можно было и не упоминать, и маркиз лишь кивнул в ответ. Радзивилл не мог знать о том, что покойному кардиналу, даже когда на время тяжёлой болезни он поселился вдали от двора в замке Венсенн, докладывали не только о бурной светской жизни, которую князь вёл в Париже, но и о том, что он появлялся в салонах Сюзанны де Брэ и Дианы де Латур,

где щеголял эрудицией в обществе одиозных философов вроде де Сент-Амана и янсенистов, скрывающихся в тени литературных собраний. О том, что князь завязал переписку с польским и австрийским дворами и в ожидании папского вердикта о значимом для него личном вопросе вёл переговоры с Луи де Конде, несмотря на опалу последнего, Мазарини вплоть до последней недели его жизни докладывали первому. Более того, кардинал лично распорядился не чинить препятствий для встреч мятежного принца и князя. И не без оснований, ведь он надеялся на то, что Конде увлечётся идеей заполучить корону, пусть и в далёкой и неизвестной ему Речи Посполитой, о мироустройстве и законах которой он, как и остальные претенденты на трон, имел ничтожно малое представление.

Ворваться в окно ярко освещённой комнаты пришло им в голову одновременно. Оставив лошадей у одинокого дуба на перекрёстке дорог, дю Плесси-Бельер и Радзивилл прошли весь остаток пути по запорошенной снегом колее, оставленной колёсами недавно проехавшей кареты. Франсуа-Анри оценил остроумный план похищения неприступной красавицы в нанятой её спутником карете. Дерзость и готовность рискнуть всем, вплоть до жизненно важных вопросов, роднила Манчини и Бурбонов. Не потому ли Людовик был так сильно увлечён Олимпией?

Звон разбитого стекла смешался с криками и разбудившим сонную округу выстрелом из пистолета. Брызги выплеснутого на пол вина смешались с россыпью осколков, искрясь в свете яркого пламени в камине.

— Можете забирать её! — рявкнул Конде, правой рукой зажимая рану на рассеченном до крови виске, а левой указывая на замершую с пистолетом в вытянутой руке гостью поневоле.

— Господа, я ждала, что за мной приедут, но, право слово, через окно?! — в прорезях алой маски сверкнули чёрные, как опалы, глаза. — И что же, вы предложите мне бежать с вами? Променять одного похитителя на двух?

Неприкрытая издёвка в насмешливом приветствии больно уколола Франсуа-Анри. Теперь, когда Алая маска не прибегала к таинственному шёпоту, её голос вызвал в его сердце волнение.

— Сударыня, я приношу мои глубочайшие извинения за этот инцидент, — заговорил Радзивилл, но Конде резко перебил его:

— Прекратите! Извиняться перед второсортной певичкой? Чего ещё изволите? Забирайте её, сударь! — это относилось к дю Плесси-Бельеру, лицо которого всё ещё оставалось скрытым под маской.

— Не смейте! Вы посягнули на честь дамы, чего же больше? Не усугубляйте своего падения, пытаясь оскорбить и меня!

— Дамы?

У Луи де Конде были свои понятия в отношении женщин. Из всех женщин Франции в его глазах всего три особы были достойны его личного уважения — обе королевы: мать Людовика Анна Австрийская и его супруга Мария-Терезия, а также Анна Мария де Монпансье, приходившаяся ему и Людовику кузиной. Особа, выстрелившая в него из подвернувшегося ей по нелепой случайности пистолета, являлась одной из никчемных и слабых нервами и моралью созданий божьих, чьим уделом было жить в тени мужчины, удовлетворяя все его прихоти или устремления.

— Независимо от её положения, — заговорил Радзивилл, при этом почтительно поклонившись гордо вскинувшей подбородок Алой маске, — эта особа оказалась здесь явно не по своей воле. И этот поступок, мягко говоря, не красит репутацию дворянина, Ваше высочество.

— Что?

Удивление на этот раз объединило похитителя и его жертву: Конде и Олимпия воскликнули в один голос, и в их глазах сверкнула угроза.

— Я не француз и не подданный Его величества, — продолжал Радзивилл, не обращая внимания на потянувшуюся к перевязи со шпагой руку принца и кинжал, блеснувший в свободной руке Алой маски, тогда как отработавший свой выстрел пистолет тяжело упал возле подола её юбки.

— Я говорю лишь о законах Речи Посполитой и о законах чести и гостеприимства, которые, как я полагаю, одинаково чтят во всех уголках цивилизованной Европы, — договорил князь.

— Здесь есть только один закон, князь, — огрызнулся Конде, — и это — мой закон.

— Не могу с вами согласиться, — дю Плесси-Бельер встал между ними и с высоты своего роста посмотрел в лицо Конде, — здесь, как и в любом уголке Франции, правит закон короля.

— Кто говорит? — Конде пристально смотрел в его глаза.

— Маршал королевского двора, — представился Франсуа-Анри и сорвал свою маску.

— Вы? Снова вы! Арлекин двора Его величества! — на скуластом лице принца на какой-то момент мелькнуло подобие улыбки.

— Паяц, — тихо выдохнула Олимпия, осознав, что оказалась в шаге от ещё большей опасности, чем общество не признающего правил чести и королевских законов мятежника: ненавистный наперсник Людовика узнает её и будет шантажировать всю жизнь!

— Паяц, но не мерзавец! — обернувшись к ней, Франсуа-Анри дал понять, что расслышал нелестный эпитет в свой адрес. — Сударыня, мы отвезём вас в любое место, куда прикажете. И если у вас нет претензий к этому человеку, я предлагаю забыть этот вечер.

— Говорит закон короля? — процедил сквозь зубы Конде.

— Говорит маршал королевского двора, — с издёвкой поправила его Олимпия.

— Говорю я — Франсуа-Анри маркиз дю Плесси-Бельер, — ответил тот, — и я готов ответить за свои слова, когда вам будет угодно!

— Маркиз неровня принцу крови! — хмыкнул Конде. — Не обольщайтесь, я не приму ваш вызов. Как бы вам того не хотелось! Впрочем, если мы встретимся в сражении, я удовлетворю ваше желание отправиться к праотцам столь почётным образом.

— Я — ровня Вашему высочеству! — напомнил о себе князь. — Радзивиллы состоят в родстве с эрцгерцогами и принцами, мы — князья Священной Римской империи. Мой титул соответствует положению принца крови во Франции. До времени выборов на трон Речи Посполитой я обязан представлять ваши интересы, но...

— После выборов я стану вашим королём! Вопрос исчерпан. Или дамочка тоже желает высказаться? Если вы королева, конечно же...

— Я...

Бросить ли в лицо зарвавшемуся принцу, что она — возлюбленная короля Франции? Но вмешивать в этот скандал имя короля ей не хотелось. Открыть Конде, кого на самом деле он оскорбил, не позволяли ей гордость и не вовремя проснувшееся сомнение в прочности их отношений с Людовиком.

— Так я и знал! Даже ваш патрон — этот напыщенный Манчини, получивший герцогский титул из вороватых рук зарвавшегося дядюшки, не способен защитить ваши интересы...

Олимпия быстрыми шагами приблизилась к Конде и нанесла хлёсткую пощёчину.

— Я не нуждаюсь в защите своих интересов, а за честь спрошу с любого! Сама! — громко заявила она и потёрла горячую от сильного удара ладонь. — Вы зря сняли свою маску, Монсеньор принц. Я запомню вас! Царапина на виске и след от пощёчины будут служить вам напоминанием о долге передо мной.

— Стерва, — зло, но не без уважения прошептал Конде, которого решительность безвестной певички подстегнула куда больше, чем аргументы польского князя и королевского наперсника.

— Мы уезжаем! — заявил Радзивилл и посмотрел на зиявшее пустотой разбитое окно.

— Но не хотите же вы вытащить меня отсюда, как какой-нибудь трофей? — протестующе воскликнула графиня.

— Нет, сударыня, — возразил князь. — Мы выйдем через двери. Люди принца не посмеют помешать нам.

— Без моего приказа никто и пальцем не пошевелинёт, — с кислой миной заверил Конде, — а мне не охота никому приказывать. Я устал. Если у вас более нет ко мне дел, господа, то прошу оставить меня. Князь, напишите мне в Шантильи, как только у вас будут известия, достойные моего внимания.

Пока все трое были заняты этой пикировкой, дю Плесси-Бельер пристально изучал разбросанные на письменном столе бумаги. Издали было сложно разобрать мелкий почерк одного из писем, но он узнал вензель в подписи — Анна Мария, не иначе. Итак, Великая Мадемуазель сообщала последние новости двора своему опальному кузену, как это и предполагал кардинал.

Чтобы не привлекать к себе подозрений, дю Плесси-Бельер с легкомысленной улыбкой протянул свою маску Олимпии:

— Прежде чем мы выйдем отсюда, я прошу вас завязать шнурки моей маски, сударыня. Не хочу, чтобы домочадцы принца узнали, что к нему были вопросы от маршала королевского двора.

— Паяц! — на этот раз нелестный эпитет вырвался у Конде, который вот уже второй раз получил щелчок по носу от молодого выскочки. — Мы ещё встретимся! В условиях, более располагающих к беседе на равных.

— Когда вам угодно, Монсеньор! Вы знаете, где найти меня.

— А вы прекрасно знаете, где я не имею права искать вас!

— А как же неравенство положений? — напомнил Радзивилл. — Не забывайте, мой принц, маркиз не имеет права требовать от вас удовлетворения. И я намерен проследить, чтобы так и оставалось впредь до выборов на польский трон!

— Не беспокойтесь, — буркнул Конде и отвернулся к камину.

Однако стоило Радзивиллу и поддерживаемой им под руку Алой маске выйти за дверь, как принц круто развернулся на каблуках и преградил дорогу дю Плесси-Бельеру.

— А вас я прошу задержаться. У меня есть личное предложение. Но не к вам, — криво усмехнулся он, заметив торжествующий блеск в глазах маркиза, — а к моему кузену. Если Людовика интересует содержимое одной из шкатулок, оставшихся от его бабки Марии Медичи, пусть пошлёт за мной.

Это прозвучало столь же неожиданно, как гроза в январском небе. Выдержав долгую паузу, чтобы не выдать своего интереса, маркиз сухо спросил:

— В чём состоит ваше предложение?

— Я предлагаю обмен, — заявил Конде, пристально глядя в глаза дю Плесси-Бельера.

— И какой же?

— Полное прощение моих давних грехов и возвращение всех привилегий первого принца крови.

— В обмен на что? — Франсуа-Анри устало зевнул, сделав вид, что не знает, о чём идёт речь.

— На архивы Медичи, чёрт меня раздери! — рявкнул Конде. — Доложите моему кузену. Наверняка старый прохвост Мазарини перед тем, как отдать душу дьяволу, ввёл его в курс дела. И не тяните! Мне смерть как надоело сидеть без дела в Шантильи. Я хочу вернуться ко двору!

— Это всё? — холодно спросил дю Плесси-Бельер.

— Всё! Можете идти!

Не отдав чести бывшему мятежнику и опальному принцу, пусть и приходящемуся кузеном королю Франции, Франсуа-Анри молча вышел.

Он был рад избавиться от необходимости находиться в присутствии этого человека, не имея возможности вызвать его на дуэль. Но послание для короля заставило его по-новому взглянуть на произошедшее. А не было ли похищение Олимпии де Суассон наживкой, на которую принц поймал не желавшего иметь с ним дел маршала двора?

Радзивилл вместе со спасённой незнакомкой в Алой маске, имя которой он, как истинный дворянин, не посмел бы спросить даже при откровенном её желании открыться, ждали маркиза в карете. Прибывшая свита князя внушала опасения собравшимся во дворе людям принца своим численным превосходством, а кроме того, непонятным говором и грозным видом. Ни у кого из нанятых Конде бывших кондотьеров не возникло желания помешать похищенной принцем певичке беспрепятственно уехать.

— Надеюсь, вы остались не для того, чтобы обсудить условия вашей дуэли, друг мой? — спросил князь у севшего напротив него и графини дю Плесси-Бельера.

— О нет, только затем, чтобы выслушать, насколько ему всё это безразлично, — беспечно ухмыльнулся тот и кивнул Олимпии, едва удостоившей его своим взглядом.

Погружённый в анализ событий, произошедших в течение этого затянувшегося вечера, дю Плесси-Бельер казался крайне молчаливым и скучным спутником. Радзивилл списал это на смертельную усталость, тогда как Олимпия тихо радовалась, что неразборчивый волокита и дамский угодник, каким прослыл благодаря молве маршал двора, не докучал ей вопросами или, что хуже, попытками расположить к себе. Она надеялась, что он так и не узнает её, и в скором времени забудет и о ней, и об этом приключении, следуя негласному правилу салона Сюзанны де Брэ: «Что случилось на Королевской площади, остаётся на Королевской площади!»

Часть I. Предсвадебная суматоха

Глава 1. Новые секреты

30 марта 1661 г. Париж, Лувр

— Пора...

Предутренний сон был крепким и, как повелось в последние дни, полным кошмаров. То он видел себя запертым в тёмной камерке, пропахшей сыростью и гнилью, то оказывался посреди огромного зала с заколоченными окнами. Он метался в поисках выхода, распахивая одну за другой двери, и, минуя, казавшуюся бесконечной, анфиладу комнат, снова попадал во всё тот же зал.

— ... Сир!

Зовущий его голос то доносился издали, то раздавался рядом, но безликие персоны, заполнявшие всё пространство, оставались безмолвными. Схватив кого-то за рукав, Людовик тут же отпустил, брезгливо стряхнув руку от пыли, — перед ним был набитый трухой манекен в поношенном камзоле.

Кто-то сильно встряхнул его за плечо и рявкнул в самое ухо:

— Проснитесь, Сир!

Даже во сне это казалось невероятным: кто посмел коснуться королевской особы? Кроме матери и его личного врача, никто не может прикоснуться к королю, а тем более тряхнуть за плечо!

— Проснитесь, Сир! Время не терпит!

Людовик открыл глаза, с трудом соображая: наяву или во сне он услышал этот призыв? Жмурясь спросонья, он поднял ладонь, закрываясь от лучей, брызнувших сквозь брешь в раздёрнутом пологе постели, и обратил полный недоумения взгляд на стоящего перед ним человека:

— Блуэн? Почему вы здесь? Где Бонтан?

— Господин Бонтан будет ровно в семь утра, — ответил Блуэн и протянул пахнущую розовой водой салфетку. — Освежитесь, Сир! Это поможет вам прийти в себя.

— Но зачем? Почему вы разбудили меня раньше времени?

— Вас ждут, Сир.

Серьёзный тон второго камердинера заставил его оторваться от подушек и сесть. Протирая лицо влажной салфеткой, Людовик спросил:

— Кто?

— Маркиз дю Плесси-Бельер.

— В такую рань? — удивился Людовик и разгладил салфетку на лице, вдыхая мягкий аромат розового масла.

Он хотел язвительно заметить, что в столь ранний час маршал двора спит, утомлённый трудами на любовной ниве. Но при виде сурового выражения лица, с каким Блуэн протянул ему свежую рубашку, Людовик проглотил эту шутку и нехотя вылез из постели.

— Господин маркиз потребовал от меня соблюдения полной секретности.

— Разве дю Плесси-Бельер не должен явиться на церемонию представления принцессы ко двору?

— Это ожидаемо, Сир, — отвечал Блуэн, помогая Людовику снять ночную сорочку, — но господин маркиз написал в записке, что дело не терпит отлагательств и не предназначено для посторонних глаз и ушей. Он просит вас встретиться с ним у дворцовых конюшен.

— Зачем?

— Прошу прощения, Сир, но об этом его милость не написал. Полагаю, однако, что дело крайне срочное и важное, раз уж он потребовал не ставить в известность никого.

— Даже Бонтана?

— Даже господина Бонтана.

— И лейтенанта королевских мушкетёров?

— Даже господина д'Артаньяна.

— Что ж, я проснулся — вот он я! И, к великой удаче господина маркиза, у меня есть время для аудиенции, — с сарказмом произнёс Людовик, разглядывая в зеркале посеревший от утренней щетины подбородок.

— Один час, Сир, — уточнил Блуэн, подавая чулки.

— Пусть Бонтан объявит о моём пробуждении как обычно.

— Да, Ваше величество! — в ответ на вопросительный взгляд короля Блуэн протянул приготовленные заранее панталоны и колет из серой плотной парчи — костюм для верховой прогулки.

Всё выглядело так, будто его мнение никого не интересовало. Людовик молча одевался и, застёгивая длинный ряд пуговиц на камзоле, изредка бросал недовольные взгляды на камердинера.

— Впредь не забывайте, Блуэн, что никому, кроме господина Бонтана, не позволено входить ко мне, пока я сам не позову!

— Да, Сир. Разумеется. А что сказать господам в приёмной, которые ожидают аудиенции?

— Ничего! — резко ответил Людовик и тут же нахмурился: даже после смерти Мазарини заставлял думать о себе, словно он всё ещё находился рядом. — Я не обязан докладывать о своих намерениях, — произнёс он вслух, — теперь уж точно никому не обязан.

— Мне предложить им дожидаться до завтрака, Сир?

Лионель Блуэн продолжал задавать вопросы, даже с риском вызвать королевский гнев, хорошо зная нрав таких сановников, как герцог де Креки или маршал де Невиль, которые под предлогом неотложных государственных дел осаждали королевскую приёмную с раннего утра с тем, чтобы заручиться вниманием короля прежде остальных и тем самым обозначить свою значимость в придворной иерархии.

— Нет, ничего не говорите! Пусть ждут. Теперь всё будет иначе, Блуэн! — Людовик горделиво вскинул голову, и густые тёмно-каштановые волосы разметались по его широким плечам, вызвав в душе камердинера острое желание немедленно пройти по ним щёткой.

— Отныне я не стану никого и ни о чём предупреждать! — заявил король и, заметив выражение своего лица в зеркале, усмехнулся.

В то, что после смерти кардинала Мазарини, который был для него советником и опекуном с раннего детства, он сумеет стать независимым от чужих мнений человеком и самостоятельным правителем, верилось с трудом даже ему самому.

— И тем не менее, Блуэн, покажитесь в приёмной, — Людовик опустил голову и посмотрел на узкие носки сапог с короткими голенищами. — В свете донесений, полученных из Кале, нам следует быть особенно осмотрительными.

— Да, Сир. Всё, как и всегда, — уловив ход его мысли, ответил Лионель и распахнул дверь в ванную комнату, через которую они прошли в гардеробную, откуда вторая дверь вела к неизвестной даже большинству прислуги лестнице, ведущей наружу в крытую галерею внутреннего двора.

— Именно так, — подтвердил Людовик, натягивая перчатки. — Кстати, Блуэн, замените свечи в настенных канделябрах. Вечером я едва не упал, пробираясь впотьмах!

Восход солнца преобразил облик Лувра — древней твердыни французских королей. Казалось, будто бы дворец переживал своё новое рождение, когда яркий утренний свет вырвал из темноты его силуэт на фоне голубого неба и окрасил в тёплые тона стены, поблёкшие от времени и ветров, а окна верхних этажей сверкнули отражениями лучей солнца.

Привычная суeta постепенно наполняла коридоры, лестницы, галереи и залы. Не пройдёт и получаса, и в огромном дворце будет трудно отыскать тихий уголок не только в парадных залах, но и во внутренних покоях. Но пока первый камердинер не подошёл к королевской постели со словами: «Семь часов, Сир. Я прошу прощения!», Его величество мог провести утренние часы так, как ему заблагорассудится, то есть неофициально.

Спустившись по узкой винтовой лестнице, Людовик прошёл привычным для него маршрутом во внутренний двор и скрылся в тени колоннады, направляясь к королевским конюшням. Возле коновязи его дожидался человек в дорожном плаще настолько запylённом, что с великим трудом можно было узнать его первоначальный цвет.

— Сир! — едва заведев приближающуюся к нему из темноты высокую фигуру, тот сорвал с головы шляпу и низко поклонился.

— Я не для того явился с рассветом в конюшни, чтобы вы с первой же минуты выдали меня!

— Прошу прощения, — с улыбкой в голосе извинился его визави и надел шляпу так, что верхняя часть его лица осталась в тени.

— Пройдёмся, — Людовик кивнул в сторону крытой галереи, ведущей в оранжерею, — я бы с удовольствием проехался верхом, но время не терпит отлагательств. В нашем расписании меньше часа до того, как вопросы о моём самочувствии перерастут в настойчивые просьбы об аудиенции.

— Увы... Ваша свобода — всего лишь призрак.

— Да. Монсеньор кардинал предупреждал меня, что не следует обольщаться возможностью объявить в Королевском совете: «Я принял решение». Я по-прежнему завишу от многих и обязан быть у всех на виду.

— Или создавать иллюзию о себе.

— Вот вы-то мастер иллюзий, маркиз! — рассмеялся Людовик и кивнул в сторону дворца, где находились апартаменты Марии-Терезии, его супруги, и комнаты дам её свиты.

— Я всего лишь следую урокам Его высокопреосвященства, — с нарочитой скромностью склонил голову тот. — Вы же помните правила Комедии Дель Арте? Для успеха каждый персонаж должен соответствовать своей роли не только на сцене, но и за кулисами...

— Своей репутацией! Да, так и есть: все мы персонажи в этом спектакле. Правда, со временем я хочу изменить характер наших ролей...

— Из комедии в трагедию? — иронично поднял брови дю Плесси-Бельер.

Людовик остановился в дверях оранжереи и обернулся к нему:

— Глубокая по смыслу и духу трагедия стоит на порядок выше легкомысленной комедии или вы не согласны?

— Я предпочёл бы оставить глубину смысла в тени, — ответил дю Плесси-Бельер и поднял руки ладонями вверх. — Я поддерживаю репутацию паяца, чтобы всегда соответствовать выбранной мне роли. Вам же действительно больше подойдёт амплуа героя, царя... Солнца, в конце концов!

— Лесть не вяжется с образом паяца, дорогой маркиз, — заметил на это Людовик.

— Это не лесть, а констатация факта, — парировал Франсуа-Анри и после краткой паузы добавил:

— Образ трагика пусть остаётся за первым министром. Вам же позволено сохранять амплуа человека вдохновения, подчиняющегося лишь творческому порыву.

— После смерти кардинала я лишился этой привилегии.

Горечь, с какой он произнёс эти слова, не была той наигранной эмоцией, которую Людовик демонстрировал перед всеми, следуя общепринятой норме оплакивать ушедшего в мир иной человека, практически заменившего ему отца. И только в компании дю Плесси-Бельера и ещё пары близких друзей он мог без опаски позволить себе быть искренним и не скрывать боли утраты. Как бы сильно он не желал избавиться от опеки кардинала, который исполнял обязанности первого министра, и взять бразды правления государством в свои руки, он осознавал, что с Мазарини его связывали узы, близкие к душевному родству, и понимание, на которое этот мудрый человек был способен, как никто другой.

В молчании король и его друг прошли по пустующей аллее оранжереи к выходу в сады Тюильри. Ощутив на лице тепло поднявшегося над крышами дворца солнца, Людовик прошептал:

— Какое долгое вступление!

— Мне начать с главного?

— Нет, расскажите обо всём по порядку! Что вы отыскиали на побережье? И почему от вас не было известий? Ходят слухи, что из-за лихорадки вы остались в Кале. А ещё до меня дошли известия о готовившемся взрыве и краже на флагманском корабле англичан, а также о том, что на самом деле вы уехали задолго до отправления свадебного кортежа и уже с неделю как находитесь в Париже. Чем же вы были заняты всё это время?

— Полагаю, это господин Ла Рейни уведомил вас обо всём!?

В ответ Людовик лишь усмехнулся и коротко кивнул. Некогда рекомендованный маркизом префект парижской полиции не зря получал своё жалование, поставляя королю важные сведения в обход нерасторопных министров и членов Королевского совета.

Отвернувшись от ослепительно яркого солнца, Франсуа-Анри медленно стянул перчатку с правой руки и провёл ладонью по лицу. Противоречие между чувством долга и желанием поделиться сокровенными мыслями заставило его оттягивать время начала разговора по существу. Он и хотел избавиться от груза терзающих его душу воспоминаний, и в то же время не спешил расстаться с ними.

— Вы и в самом деле хотите рассказать мне о чём-то? — спросил Людовик, уловив тень сомнения в затянувшейся паузе.

Тихо выдохнув, маркиз повернулся к нему лицом и беззвучно произнёс не то слова извинений, не то просьбы не торопить его.

— У нас есть час, но не более того, — строго напомнил Людовик. — Пока мне легко скрывать отсутствие, но я не хочу растрачивать дар свободы, когда это не критически важно.

— Да. Вам лучше быть на виду, — согласился маркиз.

— Хорошо, будьте кратки! — снисходительно позволил король, уловив в голосе собеседника желание умолчать, с кем именно было связано его приключение. — Все несущественные детали вы можете опустить. Но с условием, что прибережёте их на будущее.

— Для чего же?

Людовик смаковал краткий миг ликования: наконец-то ему удалось разжечь любопытство этого любителя мистификаций и розыгрышей. Стараясь не выдать себя невольной улыбкой, он произнёс:

— Опустите подробности. Расскажите историю целиком, когда мне понадобится лекарство от скуки.

— Я надеюсь, что такой день настанет очень скоро! — в голосе Франсуа-Анри прозвучало столько искренности, что Людовик в свою очередь был сильно удивлён.

Но, к счастью для маркиза, избегнувшего неудобных вопросов, в эту самую минуту король смотрел поверх его плеча в сторону аллеи, ведущей к небольшому бассейну. Тихое журчание фонтана, который включили несколько минут назад, напомнило ему о свиданиях с Олимпией Манчини. Из-за траура по дяде, кардиналу Мазарини, графиня де Суассон не

появлялась при дворе вот уже вторую неделю, и Людовик не раз порывался послать к ней гонца с письмом. Но когда он садился написать короткую записку, всё сводилось к мольбе вернуться. Не решаясь доверить бумаге свои настоящие чувства, он комкал листы один за другим и отправлял их в камин, чтобы предать огню.

Шум крыльев выпорхнувшей из кустов горлицы заставил собеседников отвлечься от раздумий.

— Итак, маркиз? Что вы делали до приезда в Кале? О заплыве в море вместе с графом Данжюсом и героической попытке спасти тонущих моряков мне уже известно. Господин Ла Рейни подробно изложил мне эту историю и всё, о чём ему доложил виконт д'Эстен. В том числе и о попытке кражи на флагманском корабле, а также о ваших подозрениях о подмене шкатулки королевы. Полагаю, вы позвали меня прогуляться в такую рань не для того, чтобы пересказать всё это?

— Отнюдь, — встряхнул головой дю Плесси-Бельер. — До того, как прибыть в Кале, я совершил небольшую поездку вдоль побережья.

— И? — нетерпеливо перебил Людовик. — Вы ничего не написали мне о том, что вам удалось узнать. Это не стоит моего внимания?

— Отнюдь! — повторил маркиз, не теряя решительного настроя. — Я не писал вам о своих находках потому, что эти сведения могут помешать нашим планам, если попадут не в те руки.

— Всё настолько серьёзно?

— Всё даже очень серьёзно, — дю Плесси-Бельер огляделся вокруг и, хотя поблизости никого не было видно, заговорил ещё тише. — По возвращении в Париж, вторым делом нанёс я визит господину Вобану. Я попросил его дать оценку чертежам, которые попали в мои руки. Вот они.

Людовик взял протянутый ему свёрток и, мельком взглянув на содержимое, сунул за отворот камзола.

— И что это? — он вопросительно посмотрел в глаза дю Плесси-Бельера, а тот продолжал говорить, поминутно оглядываясь по сторонам из опасения, что их разговор может быть подслушан.

— Господин Вобан подтвердил мои опасения. Это чертежи фортификационных сооружений порта, строящегося на острове Бель-Иль. Вряд ли господин суперинтендант сумеет убедить нас в том, что намерен использовать остров сугубо для личного отдыха и собраний членов своего философского кружка.

— Я вызову к себе господина Вобана, — кивнул король, сделав надлежащий вывод из услышанного. — А что же было первое — то, чем вы занялись по возвращении в Париж? Не связано ли это с... — Людовик проглотил чуть не сорвавшееся с языка имя мятежного принца, чьё предательство десять лет тому назад едва не лишило его короны, а Мазарини — жизни, и посмотрел в глаза маршала. — Как продвигается план покойного кардинала заинтересовать нашего кузена возможностью получить корону Польши?

— Позвольте я расскажу обо всём по порядку!

Стоило их разговору коснуться личности мятежного принца крови Луи де Бурбон-Конде, и дю Плесси-Бельер смог выдохнуть с облегчением. Интерес короля к похождениям кузена освободил маркиза от необходимости выбирать о чём ему следует умолчать, а что выкладывать начистоту, не кривя душой. Он окончательно решил для себя, что не станет рассказывать о случайно раскрытом им секрете возлюбленной короля Олимпии де Суассон, когда она во время семейного траура по почившему дядюшке появилась инкогнито на балу. Умолчав об этом факте, маркиз намеревался рассказать во всех подробностях о том вечере, но упомянуть лишь о появлении там принца Конде, который тайно приехал в Париж.

— Как вам уже известно, до внимания кардинала дошли слухи о поручении, которое магнаты Польского королевства возложили на князя Богуслава Радзивилла, пребывающего в Париже с вашего соизволения. Более того, кардинал узнал о кандидатах, вернее о том, на которого Радзивиллу указали влиятельные лица, имеющие вес в Сейме Великого Княжества Литовского, союзного с Польшей. Этот кандидат — ваш кузен Луи де Бурбон-Конде. Покуда это лишь предварительные переговоры, и официальное письмо с выдвижением кандидатуры принца не было послано. Радзивиллу предстояло встретиться с Конде лично и выяснить его намерения относительно выборов.

— И каковы же они? — в серо-голубых глазах Людовика блеснули огоньки интереса, и он настороженно затаил дыхание, ожидая узнать сбылись ли предположения, выстроенные прежде всего на желании искоренить любую возможность возвращения бывшему лидеру Фронды его бывшего влияния и могущества во Франции.

Выдержав пристальный взгляд, маркиз продолжил:

— Конде и в самом деле заинтересовался возможностью надеть корону и получить в свои руки власть, пусть и ограниченную законами о правах дворянства и традицией управлять страной посредством Сейма, который является подобием Генеральных штатов или Парламента. В то же время Его высочество не теряет надежду вернуться ко двору.

— Ха! — не решив ещё, принять ли это заявление за комплимент или насторожиться, Людовик не стал дожидаться пояснений.

— Конде ведёт переговоры самостоятельно в обход возможных преемников кардинала. Он дал согласие на встречу с Радзивиллом в Париже и, как блестящий стратег, решил поймать двух зайцев в одни силки. Во-первых, что очевидно, — участие в гонке за корону Польши. А во-вторых, он искал встречи с кем-нибудь, через кого он может без преждевременной огласки обратиться к Вашему величеству.

Лицо Людовика вспыхнуло. Поздно было напоминать о том, что их разговор должен остаться в полной тайне. Он уже заметил, как на них посматривают помощники королевского садовника. Озвученное маркизом предположение о желании кузена вернуться ко двору задело Людовика за живое, напомнив ему о мятеже фрондирующих принцев, приведшем к междоусобице во Франции.

— Так он выбрал вас? — спросил Людовик, стараясь придать своему голосу безразличие. — А почему не де Грамона или де Креки? Маршал пользуется моим уважением, а герцог зарекомендовал себя мастером закулисных переговоров.

— Моя же фигура примечательна лишь в свете романтических грёз впечатлительных девиц и скукающих дам, — продолжил эту мысль дю Плесси-Бельер, вызвав усмешку короля.

— И только лишь? — усомнился Людовик. — Боюсь, что вы скромно преуменьшаете вашу репутацию, дорогой маркиз. Кстати, сегодня в Королевском совете от меня ожидается, что я устрою вам примерную выволочку.

— О... — в синих глазах маркиза плескался смех, тогда как король оставался предельно серьёзным:

— Я, конечно же, не стану тратить время на этот пустяк сейчас. Скажу лишь, что на заседание явится моя мать, и ей не терпится взять вашу судьбу в свои руки. Понимаете? Отсылать вас в Италию ей не угодно, так как вы хорошо проявили себя в улаживании некоторых щекотливых вопросов. Но и оставлять вас на свободе...

— О нет! — воскликнул Франсуа-Анри с неподдельным страхом. — Только не это!

— Всё имеет свою цену, маркиз! — подражая испанскому акценту, от которого Анна Австрийская так и не смогла избавиться за годы, проведённые во Франции, произнёс Людовик, и хлопнул в ладоши, потребовав продолжить рассказ.

Глава 2. Тайны маскарада

30 марта 1661 г. Париж, Лувр

Дю Плесси-Бельер отступил на несколько шагов и подтолкнул носком сапога камешек гравия, заставив его прокатиться вперёд.

— Маркиза де Брэ, моя матушка, затеяла литературный вечер в своём салоне.

— Да, слухи о салоне вдовствующей герцогини де Руже дошли до нас в Венсенне. Это возмутило мою мать... Что до кардинала, то он был слишком утомлён болезнью, чтобы обращать внимание на светские новости.

Дю Плесси-Бельер посмотрел на Людовика, а потом опустил голову, и его взгляд упал на перстень-печатку на безымянном пальце правой руки — свидетельство о верховенстве в Тайном совете, переданное ему кардиналом после того, как доктора выдали безапелляционный вердикт о неотвратимом финале. По некоторым признакам маркиз понял, что кардинал посвятил Людовика в историю о пропаже архивов с перепиской Марии Медичи. Но посвятил ли он короля во все нюансы? Оставалось неясным, рассказал ли Мазарини и о том, что на пороге вечности он передал свою шпионскую сеть и власть в Тайном совете ему? Стоило ли открывать Людовику, что вот уже долгое время дю Плесси-Бельер был в курсе всего, что происходит во французской политике, а не только в великосветских кругах и в парижских кварталах?

— Так вот!

Решив на время опустить подробности, которые раскрыли бы степень его осведомлённости, дю Плесси-Бельер изменил тон повествования, и теперь его рассказ был больше похож на историю об очередном легкомысленном приключении:

— Герцогиня де Монпансье, состоящая в переписке с мадам де Севинье — близкой подруги моей матушки — узнала о готовящемся вечере. Виконт де Во...

— Тут замешан и наш вездесущий суперинтендант финансов? — насмешливо спросил Людовик, но заметив блеск недовольства в сузившихся глазах маршала, кивнул:

— Если бы у Фуке был серьёзный интерес к этому делу, вы бы узнали об этом, не так ли?

— Несомненно! Интерес есть, — голос дю Плесси-Бельера вновь обрёл серьёзные нотки, но он не заметил этого, поскольку то, о чём ему предстояло поведать королю, было гораздо важнее личного отношения к связи его матери Сюзанны де Брэ, вдовствующей герцогини де Руже, и Никола Фуке виконта де Во, который после смерти кардинала стал самым богатым и могущественным человеком во Франции. — Итак, я предполагаю, что это виконт де Во предложил превратить литературный вечер в салоне моей матушки в маскарад, чтобы устроить тайную встречу князя Радзивилла с принцем Конде.

— Как? И он тоже замешан в этом? Но какой у суперинтенданта финансов интерес к выборам короля Польши?

— Прямой! Я даже смею утверждать, что из всех, кто имеет отношение к выборам короля в Польше, Фуке имеет наибольший интерес.

— Как? — в глазах Людовика сверкнули огоньки любопытства и вместе с тем недовольства. Ему претила сама мысль о том, что кто-то ещё, кроме покойного кардинала, посвящён в государственные дела больше, нежели он сам.

— Я очень сожалею о смерти кардинала, — дю Плесси-Бельер был откровенен, потому что во многом был обязан Мазарини, в том числе безоговорочной, хотя и скрытой от всех властью в Тайном совете. — После смерти Его высокопреосвященства многие считают, что из всех претендентов на пост первого министра, Никола Фуке находится в наиболее выгодном положении.

— А что же я? А моё мнение? Разве не я решаю, кого взять себе в советники, а кого сделать министром?

Людовик говорил сдержанно, твёрдо помня последний совет, ставший политическим завещанием, который дал ему Мазарини при их последней встрече: не делать никого первым министром. Но трудно не дать волю эмоциям, и теперь он также, как и его собеседник, всего минуту назад поймал себя на том, что ему есть что скрывать от друга, даже если это даст трещину в их дружбе.

— В деле устройства карьеры каждый думает о себе, исходя из личных интересов. И Фуке не является исключением. Он метит на место первого министра. А для этого ему необходимо избавиться от других претендентов. У Фуке мало шансов выиграть в соперничестве с могущественным принцем и великим полководцем, коим является Конде. Ему проще избавиться от такого соперника чужими руками. А тут выпал счастливый случай, когда нужно лишь помочь принцу заполучить польскую корону, чтобы раз и навсегда избавиться от его присутствия во Франции.

— Но Конде в опале! Ему запрещено приближаться к Парижу на двадцать лье, и я не намерен отменять этот запрет!

— Я согласен с вами, — маркиз терпеливо дал себя перебить, но сразу же продолжил, не дав Людовику договорить:

— Однако же такой интриган, как Фуке, во всём склонен искать не только шансы на успех, но и вероятные препятствия. Люди переменчивы, политика — тем более. Кто даст гарантию, что ваше мнение о Конде не переменится и что вы не решите вернуть его ко двору?

— Я.., — ещё не произнеся фразу до конца, Людовик будто наяву услышал насмешливый голос Мазарини, который советовал не делать поспешной оценки позиции соперника во время партии в шахматы.

— Никто, — только и сказал он, оставив все возражения при себе.

— Итак, Фуке подсуетился, устроив руками Сюзанны де Брэ и маркиза де Сент-Амана встречу принца Конде и князя Радзивилла. Всё произошло под шум весёлого маскарада, и то, что вечер был затеян лишь для кружка избранных, придало слухам о нём оттенок скандальности и тем самым отвлекло внимание от отдельных его участников.

— Так господин де Лионн ничего не знает о переговорах Конде с польским князем? — хмыкнул Людовик. — Отчего-то я не удивлён. И господин Летелье, я полагаю, также пребывает в неведении?

— Отнюдь, — улыбнулся дю Плесси-Бельер, — господину де Лионну отправлен отчёт об этой встрече. В свою очередь он обязан поставить об этом в известность и вас. В случае, если это покажется ему достойным упоминания, конечно же.

— Иными словами, если фокус виконта де Во действительно имеет шансы на воплощение, — вывод Людовика был встречен уверенной улыбкой, и маркиз довёл до конца свою мысль:

— Вы ничего не теряете при любом исходе дела. Когда-нибудь услуги принца могут понадобиться вам для осуществления ваших планов. В качестве короля Польши или же полководца, обязанного вам своим возвращением ко двору.

— Именно так, — кивнул Людовик и вздохнул, — неужели мы с вами взрослеем, маркиз? В двадцать два года я, вместо планов поохотиться в Фонтенбло, выслушиваю отчёт о похождениях иностранного князя и опального принца. Мне становится скучно от самого себя!

— Позвольте развлечь вас более ярким эпизодом того вечера? — предложил дю Плесси-Бельер и приготовился рассказать о других участниках маскарада, впрочем, не называя имён.

— Нет, — Людовик тронул его за руку и посмотрел в глаза, — приберегите весёлые истории до того дня, когда мне понадобится средство от скуки. Сейчас мне важно узнать обо всём, что касается дел, оставленных мне в наследство кардиналом. Что, кроме встречи моего кузена с Радзивиллом, побудило вас появиться на этом маскараде?

— А вот тут самое интересное! — Франсуа-Анри уже собрался выложить главный козырь, но последовавший вопрос Людовика стёр усмешку с его лица:

— К слову, а какую маску вы надели? Только не говорите, что снова явились в костюме Арлекино! Нет же? Ведь на маскараде не было других масок Комедии Дель Арте, чтобы составить вам пару?

Он не был готов к откровенной лжи, а по всему выходило, что именно это от него и требовалось, ведь ничего не подозревающий Людовик смотрел на него, ожидая услышать нечто крайне важное, что не имело никакого отношения к его личной жизни. И всё-таки Франсуа-Анри удалось убедить себя, что, если он не упомянет имени графини де Суассон, невольной героини разыгравшейся драмы, это не будет ложью.

— Я получил послание от герцогини де Монпансье, находясь в Кале. Её светлость пожелала встретиться со мной, но написала мне от имени нашей общей знакомой...

— Это кого же? — не удержался от уточнения Людовик. — Кто она, эта ваша новая пассия?

— О нет, эта особа вовсе не из числа моих побед. Я могу лишь считать себя удостоенным её дружбы.

— Вот как! — удивился Людовик. — Кроме графини де Суассон, есть ещё женщина, которая устояла перед вашей галантностью?

— Увы... — густо покрасневший признанный сердцеед вызвал у Людовика громкий смех и с низко опущенной головой принял его сочувственное пожатие руки.

— И вы не назовёте мне её имени? — сквозь смех спросил король.

— Эта дама — мадемуазель де Ланкло, — просто ответил маркиз.

— Да? — Людовик перестал смеяться, застыв с поднятой над плечом маркиза рукой. — Так Нинон де Ланкло и в самом деле решила покинуть монастырь без разрешения на то королевы-матери?

— Не совсем так, — дю Плесси-Бельер улыбнулся в свою очередь и пояснил:

— Мадемуазель де Ланкло воспользовалась позволением Её величества вернуться в Париж для встречи со своим доктором.

— Так. А на самом деле? Что хотела от вас моя кузина, герцогиня де Монпансье?

— На маскараде она появилась в маске Дианы и предложила сыграть партию в карты. Ставкой было свидание с нею...

— О, конечно же, такой азартный игрок, как вы, не отказались?

— Безусловно! Тем более что я рассчитывал на свидание совсем с другой особой, — едва не проговорился Франсуа-Анри, но вовремя поймал себя и осёкся на полуслове.

— Вы встретились с моей кузиной Анной Марией де Монпансье наедине? — гневно сверкнув глазами, спросил Людовик, запоздало вспомнив о своей роли опекуна Великой Мадемуазель, которая после смерти отца, Гастона Орлеанского, стала наследницей огромного состояния и самой богатой невестой в Европе.

— Нет. Вместо вашей кузины я встретил вашего кузена, принца Конде. Однако я не пожелал иметь никаких дел с принцем у вас за спиной, а потому отказался от встречи и удалился из комнаты.

— Что же сделал Конде? Полагаю, он не принял вашего отказа?

— Не принял. Он вынудил меня самого примчаться к нему.

— Каким же образом? — спросил Людовик и ухмыльнулся, в душе восхищаясь предпримчивостью кузена.

— Пользуясь инкогнито на маскараде, вернее тем, что никто и виду не подал, что узнал его, принц ухаживал за одной особой, чьё лицо было всё время скрыто под полумаской с густой вуалью. И когда она бесследно исчезла, тот, с кем она приехала на маскарад, хватился её и заявил о похищении.

— Похищение? Может быть она не была против? На маскарадах появляются дамы полусвета, та же мадемуазель де Ланкло...

Дю Плесси-Бельер опустил голову, чтобы скрыть блеснувшее в глазах негодование, и глухо проговорил:

— Нет. Эта особа никогда не согласилась бы уехать с принцем. Она приехала в сопровождении..., — он чуть было не сказал: «своего брата», но Людовик договорил за него:

— Покровителя? Что ж, это объясняет его желание вернуть её. Хотя вопрос ещё, стал бы он ввязываться в ссору с принцем, если бы знал, кто он?

— Но я знал! И стал бы! — твёрдо заявил дю Плесси-Бельер. — И я сделал это.

— Что? Вы позволили себе поссориться с Конде из-за женщины? Назовите мне хотя бы её имя!

Молчание маркиза было столь красноречивым, что Людовик счёл за лучшее перевести разговор в другое русло. Если его друг по какой-то причине не хотел открывать ему имя той особы, то вывод напрашивался сам собой: наверняка он узнал её и дал слово не выдавать. Но безвозмездно ли? По лицу дю Плесси-Бельера трудно было понять, была ли спасённая от бесчестия особа благосклонна к нему или нет?

— Что ж, — попытожил Людовик, — занятая история. Хотя, как я понимаю, вы не сможете воспользоваться ею для салонных бесед. Однако вы сказали, что это была уловка со стороны принца, чтобы заставить вас встретиться с ним?

— Да. Так оно и было. Мы, то есть князь Радзивилл и я, вдвоём настигли принца и его людей далеко за пределами Парижа.

— С ним были его люди? — недовольно нахмурился Людовик.

— Разумеется, он явился в Париж не один.

— Всё-таки он так и остался мятежником...

— Он — Бурбон-Конде!

— Но это вовсе не оправдывает его! Что произошло дальше?

— К чести той особы, которую похитил принц, она не сдалась без боя, — заметив усмешку в глазах Людовика, маркиз счёл за необходимое пояснить. — Конде допустил промах, похитив её в той же карете, в которой она прибыла на маскарад. Воспользовавшись спрятанными в тайнике пистолетами, она пригрозила пустить их в ход, если ей не позволят вернуться в Париж. По сути, мы спасли не жертву похищения, а похитителя. Конде был рад избавиться от опасной добычи. Но прежде, чем распрощаться, он улучил минуту, чтобы поговорить со мной с глазу на глаз. И тогда сбросил маску.

— Ну, этого он мог бы и не делать... Кто не узнает знаменитый профиль де Бурбон-Конде! — тихо рассмеялся Людовик.

— Я говорю иносказательно. Он открылся мне.

— В чём же?

— Ему необходим посредник.

— Для переговоров с польскими магнатами?

— Нет. Для переговоров с вами.

— Вот как?

Людовик в задумчивости теребил снятую с руки перчатку. Его впечатлил поступок похищенной кузеном незнакомки: на такой отчаянный шаг могла решиться далеко не каждая, а вот дочь или супруга военного вполне. О, если бы он знал, насколько был близок к истине!

Уловив во взгляде короля догадку, мелькнувшую в его голове, дю Плесси-Бельер почувствовал опасность. Недоговаривая всего, он тем не менее не посмел бы открыто солгать королю, если бы тот потребовал объяснений. Франсуа-Анри скрыл тот факт, что он узнал Олимпию де Суассон, когда по дороге в Париж в карете она сняла свою маску.

Видимо графиня сочла, что ехавший с нею дворянин из свиты князя Радзивилла дремал утомлённый ночным приключением. В темноте она не разглядела под маской Баутой знакомое ей лицо маршала двора и понадеялась, что это приключение осталось её личным секретом. Ещё бы! Ведь сопровождавший её на маскараде Филипп де Невер не выдал бы её, не рискуя при этом своей репутацией. Князь Радзивилл встречал графиню мельком на вечерах в салоне свекрови, принцессы де Кариньян. Даже если он сумел разглядеть её лицо под маской, то, будучи дворянином до кончиков ногтей, он никогда не раскроет секрета дамы. Что же касается принца Конде, то этот спесивец никогда не признается в том, что был вынужден отступить под дулом пистолета в руках племянницы ненавистного кардинала Мазарини!

Решив окончательно поставить точку в приключении дамы в Алой маске, которая успела вскружить головы половине из присутствовавших на маскараде мужчин, Франсуа-Анри напомнил себе нерушимое правило вечеров в салоне Сюанны де Брэ: «Что случилось на Королевской площади, остаётся на Королевской площади!»

Встряхнувшись от утренней прохлады, дю Плесси-Бельер прервал затянувшееся молчание:

— Конде выдвинул предложение, от которого вы не захотите отказаться.

— Что может предложить человек, который дважды предал моё доверие? — спросил Людовик, нехотя вернувшись к разговору о кузене.

— Искупление.

— Вы же знаете, маркиз, вина Конде гораздо больше, чем это можно оценить. Во времена Фронды он переметнулся на сторону тех, кто требовал смерти кардинала. А что же я? Я должен был стать марионеткой или умереть? Странно, что сейчас он обратился именно к вам. Ведь это вы предотвратили успех его последнего заговора. Разве после смерти кардинала он не должен ненавидеть вас больше всех?

— Это так, — согласился дю Плесси-Бельер, хотя и не считал своё участие в раскрытии заговора «Часа Купидона» значительным. — И тем не менее предложение принца связано с тем самым заговором.

— Каким образом? Напомните мне — это были поиски тайника?

— Да. И этот тайник связан с архивами Медичи.

— Что?

— Вы удивлены, Сир? Поверьте, я был удивлён не менее вашего. Прежде всего потому, что мне достоверно известно о том, что семь лет тому назад принцу не удалось найти тайник Гонди.

— А разве его не нашли в часах?

— Найти-то его нашли. Но тайник был пуст.

— Неужели архивы Марии Медичи у него в руках? — побледнев, спросил Людовик.

— Не совсем. У него лишь ключ от одной из трёх шкапулок. И он готов отдать его вам.

— В обмен, разумеется? Что он требует?

— Прощение.

— Оно было ему даровано. Официально — да. И кардинал лично составил документ с Большой королевской печатью.

— Нет. Конде просит о прощении в полном смысле: о том, чтобы ему было позволено вернуться ко двору.

— Вот как? — Людовик испытующе посмотрел в глаза дю Плесси-Бельера.

— Принц утверждает, что он далёк от политики. Он хочет лишь вновь пользоваться своими привилегиями первого принца крови.

— То есть быть первым принцем после Месье, моего брата?

— Да.

Такая спокойная реакция на эту ошеломительную новость удивила его самого, ведь раньше он представлял себе это событие совсем иначе. Мазарини готовил его к тому, что рано или поздно Конде наскучит сидеть в ссылке в своём замке в Шантильи и он будет искать способы напомнить о себе. Но ни сам кардинал, ни Людовик не предполагали, что гордый де Бурбон-Конде снизойдёт до того, чтобы просить о посреднической услуге человека, чьё положение и знатность были гораздо ниже его собственной. Не говоря уже о том, что именно по вине дю Плесси-Бельера принцу пришлось совершить позорный побег в корзине с грязным бельём после раскрытия заговора с целью завладеть архивом Марии Медичи, представляющим угрозу праву Людовика на трон, а также и его английского кузена — короля Карла.

— И каким образом он предлагает совершить обмен? Кстати, а какие гарантии он требует?

— Гарантией послужит личная встреча с вами. Но так, чтобы никто не узнал об условиях его возвращения ко двору. Тайно. И не в Лувре.

— Вдали от двора, стало быть? Хм... Это вообще как-то скверно пахнет.

— Вы можете поехать в сопровождении ваших мушкетёров. Возможно, под видом охоты?

— Охота? Тогда в Фонтенбло, но это слишком далеко. И у меня другие планы на Фонтенбло, вы же знаете, маркиз!

— Но в Версаль вы не собирались ехать до осени...

— Версаль? Хм... А вот это возможно, — подумав о затее, которую он придумал ещё до размолвки с Олимпией, Людовик улыбнулся и кивнул. — Да! Я встречу с кузеном в Версале. Там будут только те, на чьё молчание я могу полностью положиться.

— В таком случае я дам знать герцогине де Монпансье.

— Почему же ей? — не понял его плана Людовик, который в этот момент отвлёкся на мысли о том, как он предложит Олимпии тайно уехать в Версаль для окончательного примирения.

— Потому что Её высочество состоит в постоянной переписке с принцем, и очередное письмо от кузины в корзинке с бутылками вина из принадлежащих ей виноградников в Божоле не привлечёт постороннего внимания.

Вместо ответа Людовик согласно кивнул и повернул назад. Уже на ходу, не оборачиваясь спросил:

— Как идут приготовления к свадебным торжествам?

— Вы можете быть уверены в том, что сорвать свадьбу герцога Орлеанского и принцессы Генриетты не удастся никому, — заверил дю Плесси-Бельер, и в этих словах Людовик почувствовал некую недосказанность.

— Однако же я слышу подвох. Скажите мне прямо, маркиз, есть ли повод для опасений? Что с тем голландцем, о котором писал ваш брат герцог де Руже? Где он сейчас?

— Этого ни я, ни герцог не знаем. Я буду лжецом, если скажу, что нам нечего опасаться. Да, у Ла Рейни повсюду в Париже есть глаза и уши, а я в курсе всего, что происходит при дворе, и тем не менее противника нельзя недооценивать.

— Я не требую от вас поручительства, маркиз. Но на карту поставлено многое. И речь идёт не только о свадьбе моего брата!

— Да. И тем не менее лучшее, что мы можем сделать — это следовать изначальному плану. Устроим шумные празднества и под завесой дыма от фейерверков схватим всех заговорщиков.

Они вернулись к конюшням, где уже во всю кипела утренняя рутина. Людовик прошёл в тень крытой колоннады и, оставаясь незаметным для слуг, выводящих лошадей на утреннюю выездку, оглядывал широкий внутренний двор. Подумав с минуту, словно взвешивая все за и против, он наконец произнёс:

— Итак, сегодня я объявлю о моём решении.

— Да, — дю Плесси-Бельер не сказал больше ничего, но этого и не требовалось — они прекрасно поняли друг друга.

Людовик направился ко входу во дворец, взмахом шляпы дав понять, что секретная аудиенция закончена. Они встретятся на церемонии представления ко двору принцессы Генриетты и её новой свиты. Но тогда уже Людовик будет играть роль монарха, готового внимать советам матери и опытных придворных, а дю Плесси-Бельер останется верен своему амплуа баловня судьбы и любимца женщин.

Глава 3. Представление ко двору *30 марта 1661 г. Париж, Лувр*

— Вы готовы, Ваше высочество?

Раздражающий слух надрывно высокий голос миссис Уэссекс вызвал у Генриетты болезненную гримасу, словно она надкусила кислое яблоко. Облизнув пересохшие губы, с вымученной улыбкой она выдавила из себя:

— Да. Кажется, я готова.

Казалось, будто всё вокруг закружилось в стремительном вихре, и только настойчивое похлопывание по плечу вернуло её к действительности. Медленно, как во сне, Генриетта обернулась к стоящей у неё за спиной Катрин де Монако, которая протянула ей бокал с розовой жидкостью.

— Выпейте, Анриэтт!

— Что это? Зачем? Я не хочу! — с ходу отказалась Генриетта.

— Пейте, моя дорогая, — Катрин мягко взяла её за руку и вложила бокал в липкие негнувшиеся пальцы, — пейте смело. Я настаиваю!

Генриетта с недоумением посмотрела на подругу:

— А что это?

— Наш маленький секрет, — наклонив голову, шепнула Катрин и с лукавой улыбкой осторожно поднесла бокал к её губам. — Немного ягодного сока, смешанного с разогретым вином, два листочка мяты, палочка сушеной гвоздики и щепотка перца — всё по рецепту моей кормилицы.

— Хорошо! Так и быть, я попробую ваше зелье, — согласилась Генриетта и нерешительно пригубила напиток.

Сначала один глоток, а потом ещё и ещё. Сладковатый на вкус напиток оставил приятную свежесть. Выпив всего половину содержимого бокала, Генриетта ощутила, как по всему телу растекается тепло и появилось ощущение лёгкости, а слабое головокружение сменилось чувством эйфории и безотчётным желанием смеяться.

— Ну вот! — с удовлетворением отметила Катрин, продолжая поддерживать бокал в трясущихся руках принцессы. — Ваши щёчки порозовели, и вы улыбаетесь, а это хороший знак.

— Пора, Ваше высочество! Все уже собрались в Тронном зале. Ждут только выхода Их величеств. И вас, конечно же, — сделав особое ударение на последней фразе, предупредила миссис Уэссекс после того, как она выглянула за дверь и расспросила стоящего в коридоре пажа о том, что происходит в Тронном зале.

— Ой, нехорошо-то как! — возвела брови домиком Катрин, тогда как в её глазах плясали искорки смеха. — Если Людовик войдёт в зал, а нас там не будет — вот будет конфуз! Пересудов не оберёшься.

— А вы как будто мечтаете об этом? — нахмурилась Генриетта и легонько подтолкнула подругу под локоток. — Да вы и представить не можете, что скажет моя матушка! Не говоря уже о королеве Анне!

— Ой, подумаешь! — беспечно отозвалась Катрин, кружась на месте с игривой улыбкой. — Разговоров будет на целый месяц так или иначе! Ведь вы — героиня дня! А в случае опоздания вас будут обсуждать заслуженно, а не из-за пустяков.

— Но по заслугам ли? — усомнилась Генриетта. — Ох, Катрин, если бы вы знали, как я боюсь этой встречи! Мне кажется, что это ещё хуже, чем прощальная церемония, которую устроил мне братец Карл в Дувре. Я чувствую себя породистой лошастью, будто мне смотрины перед покупкой устраивают.

— Скажите на милость! Без пяти минут Мадам, супруга Дофина и невестка Его величества! — отмахнулась от потока жалоб Катрин и легонько потрясла Генриетту за руку. — Да что вы, в конце концов? Уж если кому и устраивают смотрины, так это бедняжкам из провинции, которым посчастливилось стать вашими фрейлинами. Не забывайте, сейчас состоится представление ко двору вашей новой свиты.

— И правда! Я ведь ещё не встречалась с ними, — спохватилась Генриетта. — И Филипп тоже.

— Ах да! И Филипп. Хотя он наверняка не может взять в толк, зачем ему знакомиться с девицами, — шутливо заметила Катрин и, легонько сжав пальчики принцессы, заставила её поднять бокал и сделать ещё один глоток.

— Всё, хватит! Я чувствую себя на взводе. Это ягодное вино такое крепкое.

Побоявшись неожиданного эффекта, которое мог произвести на неё этот напиток даже в разбавленном виде, Генриетта отдала бокал княгине и встала перед напольным зеркалом в массивной позолоченной раме.

— Тогда идём! — передав бокал служанке, скомандовала Катрин и сделала знак миссис Уэссекс.

Та выглянула в коридор и что-то шепнула пажу. Через минуту издали послышались тяжёлые удары церемониального посоха и громкий голос обер-церемониймейстера королевского двора сеньора де Рода, который оповестил собравшуюся в Тронном зале публику о выходе Её высочества.

Генриетта глубоко вдохнула и подобрала подол роскошного платья, расшитого узорами из настоящих сапфиров в виде цветков лилий. Два пажа подхватили концы горностаевой мантии длиной в пять шагов — знак особой привилегии, дарованной принцессе как члену королевской семьи и принцессе крови. Это обстоятельство крайне стесняло Генриетту при ходьбе, но она настроилась на то, чтобы и виду не подавать, будто её что-то угнетает.

— Её высочество принцесса Генриетта Анна Стюарт!

Оглушительно запели фанфары, по коридору и Тронному залу пронеслась волна громких аплодисментов. Генриетта внутренне сжалась от удушливой волны близкого к панике страха перед лицом неотвратимости всего происходящего с нею.

— Всё. Это конец, — тихо шептала она, во все глаза глядя перед собой из опасения оступиться прямо на глазах у всего двора, — я умру!

— Смелее! — шепнула Катрин, идя на шаг позади неё.

С гулким грохотом захлопнулись двери у неё за спиной, и Генриетта покачнулась на тонких каблучках новых, сшитых специально для этого события туфель.

— Ваше высочество!

Удивлённо моргая, она разглядывала возникшую из ниоткуда фигуру высокого юноши, а тот на несколько мгновений замер в почтительном поклоне.

На вид он был одних с нею лет — не старше семнадцати. Лёгкие, плавные движения выдавали в нём хорошего танцора, а уверенный взгляд говорил о том, что придворный церемониал был для него обычной рутинной. Любительница красивых нарядов, Генриетта не могла не отметить смелый фасон укороченной курточки из голубого атласа и коротких панталон из такой же ткани. Лишь спустя некоторое время, немного привыкнув к торжественности обстановки и разглядывая собравшихся в зале придворных, она заметила, что на многих молодых кавалерах были костюмы точно такого же фасона.

Юноша выпрямился и положил левую руку на украшенный золотом эфес шпаги, который выглядывал из-под пышного банта на белоснежном поясе из полупрозрачного шёлка.

— Добро пожаловать ко двору, Ваше высочество!

— Благодарю, — чуть слышно произнесла Генриетта, и на какой-то момент ей даже показалось, что всё это происходит на уроке танцев в детстве, а не на глазах у сотен зрителей.

— Я прошу позволения сопровождать вас, Ваше высочество!

Глядя в его лучистые голубые глаза, Генриетта невольно улыбнулась в ответ и не удержалась от радостного восклицания:

— Как же вы успели вырасти всего за год, Франсуа! Я бы ни за что не узнала вас издали.

— Поэтому я дерзнул подойти к вам и представиться первым, — озорно подмигнув, он галантно поклонился и подал руку.

Картинно развернувшись на каблуках узконосых туфель с огромными голубыми бантами на серебряных пряжках, маркиз с гордо поднятой головой повёл принцессу сквозь расступающуюся перед ними толпу.

В противоположном конце просторного зала у постамента, на котором высился трон короля и кресло пониже для королевы, их ждал, переминаясь с ноги на ноги и покусывая в волнении губы, Филипп Орлеанский.

— Ваше высочество!

Де Виллеруа обратился к нему, и Генриетта отметила про себя, что тембр его голоса тоже изменился с тех пор, как они виделись в последний раз. В нём звучали бархатные нотки юношеского тенора, совсем не похожие на тот звонкий фальцет мальчугана, над которым она посмеивалась вместе с подругами.

— Позвольте представить Вашему высочеству принцессу Генриетту Стюарт, сестру Его величества Карла Второго, короля Англии и Шотландии.

Генриетта ощутила неловкость, поймав себя на том, что не сводит глаз с Филиппа, который с отстранённым выражением лица разглядывал её платье. Со стороны могло показаться, что он превосходит себя, настроившись на то, чтобы стойко выдержать мучительно долгую церемонию. Но, когда их глаза встретились, она с удивлением прочла в его взгляде сочувствие.

Как и де Виллеруа, Филипп заметно изменился за прошедший год, и Генриетта с удивлением отметила в нём нечто неуловимо знакомое и в то же время новое. Молодой человек, стоящий перед ней, не был похож на портрет, который был представлен на их помолвке в Уайтхолле. А может быть для портрета позировал кто-то другой? На мгновение Генриетта даже подумала, что перед ней стоит не сам Филипп, а его двойник, ведь такого тепла и интереса к себе она никогда не замечала в нём прежде.

Его большие красивые глаза смотрели на неё, и даже этот факт сам по себе менял сложившееся о нём впечатление. Кроме того, в уголках его чувственных губ играла улыбка. И нет, это была не ироничная ухмылка и даже не снисходительная усмешка, а именно улыбка — доброжелательная и дружеская. Его расположение к ней стало изумительным открытием в глазах Генриетты: Филипп встретил её с неподдельным участием, будто он и в самом деле ждал их встречу с нетерпением, которое так красочно живописал в своих речах во время сватовства герцог де Креки.

Как только де Виллеруа закончил речь, Генриетта присела в реверансе:

— Ваше высочество!

Филипп поклонился в ответ, немало удивив присутствующих тем, что не ограничился на этот раз обычным небрежным кивком.

— Я рад нашей встрече! — заговорил он, приняв руку невесты у де Виллеруа, который отступил с почтительным поклоном. — Видя вас, я счастлив даже больше, чем сам того ожидал.

По залу пронеслась волна приглушённых голосов, раздались одобрительные возгласы и первые овации. Реакция публики была такой, словно перед ней разыгрывался спектакль с неожиданно романтической развязкой. Собравшиеся в Тронном зале словно позабыли, что присутствуют на официальном представлении невесты Единственного брата короля.

Опираясь на протянутую ей руку, Генриетта поднялась вместе с Филиппом на постамент. Теперь, стоя лицом к зрителям, она разглядывала их лица, пытаясь угадать их настроение.

Результатом оказалось острое желание кинуться опрометью к огромным венецианским окнам и бежать из дворца. Стоило ей увидеть расшитые драгоценностями платья придворных дам, соперничающих кричащими роскошью украшениями, пышной вычурностью замысловатых причёсок, в которых заколок с жемчугом и бриллиантами было больше, чем у всех дам английского двора вместе взятых, и панический ужас охватил её. Генриетта вновь почувствовала себя в плену забытых детских страхов. К горлу подкатил тугой ком слёз от предчувствия новых унижений, и, как когда-то прежде, она ощутила себя хрупкой и ничтожной в глазах критически оценивающей её толпы. Чувство незащитности перед уничижительным мнением людей, которым была безразлична и она, и её судьба, подавило в её душе радость от встречи с другом детства, а также и едва зарождающееся чувство уверенности в себе.

Голос подруги прозвучал сквозь сумятицу хаотичных мыслей, выдернув Генриетту из омуты этих переживаний.

— Позвольте представить Вашим высочествам дам вашего двора, — заговорила Катрин де Монако, которой досталась самая ответственная и влиятельная должность в свите новой герцогини Орлеанской — обер-гофмейстерины двора Её высочества.

Одна за другой перед Филиппом и Генриеттой выстроились в ряд девушки, каждой из которых на первый взгляд было не более восемнадцати лет. Внимание Генриетты особенно привлекли две из них, которые прибыли из Блуа, где воспитывались при дворе Маргариты де Лоррен, вдовствующей герцогини Орлеанской: бойкая брюнетка с яркими искорками в игривом взгляде карих глаз Николь-Анна-Констанс де Монтале де Шамбале и полная её противоположность — белокурая тихоня с огромными фиалковыми глазами Луиза-Франсуаза Ле Бом Ла Блан де Лавальер. Рассматривая их лица, Генриетта забылась и тянула с ответом на их поклон, а, спохватившись, кивнула сразу обеим, не желая расстроить ни одну из них, обделив вниманием.

— Франсуаза де Тонне-Шарант... — продолжала представление Катрин де Монако, — ... де Рошешуар де Мортемар...

«Боже, какие у всех длинные имена», — подумала про себя Генриетта, глядя в выразительные голубые глаза младшей сестры графа де Вивонна — плечистого молодого человека, который возвышался над нестройными рядами придворной молодёжи, расположившейся справа от постамента с тронами. С самим Луи-Виктором Генриетта была дружна с детства, как и с де Виллеруа и прочими молодыми людьми из окружения Людовика и Филиппа. А его старшая сестра Габриэль де Мортемар де Рошешуар маркиза де Дама де Тианж вот уже несколько лет состояла в свите Филиппа Орлеанского в качестве статс-дамы.

Арлетту де Креки Генриетта видела впервые. Племянница герцога де Креки была только на днях представлена ко двору, а до этого она воспитывалась у кармелиток в Руанском монастыре.

А вот и мисс Суррей!

В этот момент княгиня де Монако позволила себе лукавую улыбку. Благодаря отчаянным мольбам Генриетты, да и уговорам самого Карла, королева Генриетта Мария прислушалась к совету герцога Бэкингема и позволила младшей сестре лорда Суррея остаться во Франции в качестве фрейлины герцогини Орлеанской.

К чести самой мисс Кэтти, на церемонии представления ко двору она держалась с достоинством и той скромностью, которая нисколько не умаляла впечатления от её дорогого, хотя и в меру роскошного наряда. Филипп, который до того момента лишь мельком замечал представляемых ему особ, внимательно всмотрелся в лицо мисс Суррей. Правда, сделал он это лишь после того, как заметил особый взгляд, каким английская мадемуазель смотрела на его невесту.

Наконец после того, как фрейлины и статс-дамы нового двора герцога и герцогини Орлеанских были представлены им, наступил черёд кавалеров. В качестве официального рекомен-

дателя вперёд выступил брат княгини де Монако — Арман де Гиш, получивший должность шталмейстера герцога Орлеанского.

У Генриетты появилась навязчивая мысль о том, что граф стоит слишком близко к ней. Иначе откуда взялось неловкое ощущение, будто бы она слышит гулкий стук его сердца? Впрочем, может быть всё это почудилось ей из-за духоты, царящей в зале, или от растущего волнения с приближением кульминации церемонии, когда в зале должны были появиться король и королева?

— Леон Элиассен де Салюст граф Данжюс, — продолжал де Гиш, приглашая предстать перед Генриеттой и Филиппом следующего молодого человека.

При виде знакомого ей лукавого прищура зелёных глаз и непринуждённой улыбки, Генриетта дружески наклонила голову, едва удержавшись, чтобы не поприветствовать своего друга детства вслух.

Филипп отвёл взгляд в сторону, не подав и виду, что заметил нечто особенное в приёме, оказанном Данжюсу. На самом деле в те минуты его, также как и Генриетту, волновало близящееся появление Людовика и особенно то, о чём Его величество собирался объявить в своей речи. Предполагая, что, как и всегда, это не будет чем-то приятным лично для него, Филипп надеялся, что ему хотя бы не придётся поступиться своими правами ради очередной прихоти старшего брата. Насмешливые намёки друзей, особенно шевалье де Лоррена, который, благодаря родству, был в курсе придворных интриг намного больше, чем был готов в этом признаться, почти довели герцога Орлеанского до отчаяния.

И вот, наконец, с балкончика, расположенного под сводами высокого потолка, прозвенел сигнал фанфар, и музыканты начали играть Королевский марш. Раздался громкий тройной стук в дверь — условный сигнал, который Бонтан или кто-нибудь из гвардейцев личной охраны короля подавали перед выходом Его величества.

— Дамы и господа! — звучным басом призвал всех к вниманию церемониймейстер, и Генриетта вся сжалась от безотчётного волнения, успев заметить, как исказилась слащавая ухмылка на лице Филиппа де Лоррена, чьё официальное представление было прервано из-за выхода короля.

— Его Величество король! Её Величество королева! — торжественно прозвучали слова, заставившие всех собравшихся в зале застыть в низком поклоне.

В распахнутых настежь парадных дверях зала появились две фигуры. Высокий и величественный Людовик вёл под руку маленькую и немного полноватую Марию-Терезию. При этом она держалась робко и неуверенно, как только что представленные ко двору провинциалки. Будучи почти на две головы ниже супруга, из-за широкого платья, накрахмаленная юбка которого была похожа на колокол, Мария-Терезия выглядела гротескно, вызывая насмешливые улыбки со стороны записных модниц и щёголей двора.

Пока королевская чета под звуки торжественного марша пересекала Тронный зал, придворные встречали их с глубокими поклонами. Если до той минуты Генриетту снедали опасения из-за первого впечатления, которое она произведёт на Людовика и его двор, то теперь она со страхом осознала, что гораздо хуже была обратная сторона этой встречи. Она увидела перед собой короля, блистательного и могущественного, и королеву, которая, несмотря на непримечательную внешность и маленький рост, являла собой величественную и даже красивую белокурую женщину, одетую с несомненным вкусом и вниманием к мелочам, которые особенно заметны для тех, кто ценит их.

Но не только сами король и королева оказали неизгладимое впечатление на принцессу, которая за год, проведённый в Англии, отвыкла от роскоши и почти языческой, ренессансной культуры французского двора. Вместе с Людовиком и Марией-Терезией в зал вошли дамы из свиты королевы во главе с Олимпией де Суассон. Статус принцессы крови Великой графини был подчёркнут тем, что она была одета практически так же роскошно, как и королева: её пла-

ть было украшено бриллиантами, лентами, кружевными вставками и было сшито из дорогих и редких тканей. Нежный оливковый оттенок кожи красиво оттенял розовый жемчуг ожерелья, а карие глаза выигрышно подчеркивали бриллианты в серьгах. Драгоценные камни искрились в водопаде дивных чёрных локонов, многочисленными змейками опускавшихся на плечи.

Поймав себя на откровенном разглядывании Олимпии де Суассон, пока та поднималась по ступенькам помоста вслед за королём и королевой, Генриетта неловко улыбнулась и перевела свой взгляд на процессию дам и кавалеров королевской свиты. Знакомые с детства лица, доброжелательные улыбки и гримасы пренебрежения — всё повторялось в точности, как когда-то в далёком 1653 году, когда её, тогда ещё малышку, официально представили королевскому двору. Все эти люди выглядели почти также, и всё же теперь во взглядах, обращённых к ней, сквозило что-то новое. И дело было не во внешних изменениях, как у повзрослевшего за год Франсуа де Виллерау. Нет, кажется дело в самой Генриетте, которая только что начала осознавать, что произвела на них совершенно новое впечатление. Она же удивила их всех!

— Ваше высочество, — шепнул Филипп, незаметно пожав её пальцы.

Он взглядом предложил ей спуститься с пьедестала и пройти навстречу к королевской чете для официального представления.

— Спасибо, — также тихо ответила она, покраснев от мысли, что позволила себе отвлечься от строгого протокола.

Положив её руку на свой локоть, Филипп повёл Генриетту к королю и королеве, которые заняли свои места на тронах, тогда как по обе стороны от них в креслах устроились обе вдовствующие королевы, почтившие своим присутствием церемонию.

Ещё за несколько шагов Генриетта заметила огромную разницу в происходящем и даже ощутила некую пустоту из-за отсутствия за спиной у короля привычной с детства фигуры в алой мантии. Там не было кардинала Мазарини! Эта перемена, одна из многих, которые произошли за время её отсутствия, больше всего огорчила Генриетту. Она почувствовала навернувшиеся слёзы при мысли о недавней смерти того, кто не позволил ей стать супругой Людовика, однако явился главным архитектором соглашения о её свадьбе с Филиппом. Кардинал Мазарини, который на протяжении двух десятков лет вершил судьбы людей во Франции и даже за её пределами, почил. Но кто же занял его место? Как ни странно, но любопытство, которое сменило чувство давно пережитой обиды и ностальгии, мгновенно высушило слёзы в её глазах. Генриетта предстала перед Людовиком и Марией-Терезией с лицом, на котором сияла улыбка, а её взгляд выражал непосредственный интерес. Пережитые волнение и робость при виде величия блистательной процессии королевской четы и их свиты уступили непринуждённой лёгкости, с которой принцесса присела в почтительном реверансе.

Людовик заметил её ещё издали, едва войдя в зал. С первых же шагов он нацелил свой взгляд на то место, где стояли Филипп и Генриетта. Однако он не смотрел прямо на кузину, не желая смущать её чересчур пристальным вниманием или же, наоборот, чрезмерно обнадёжить. Чего он ожидал и что получил от этой встречи, он ещё не успел оценить. Занятый мыслями о репетициях и организации нового балета, который он хотел представить на свадебных торжествах, Людовик даже не заметил того, как настал день прибытия кортежа Генриетты в Париж. Представление ко двору принцессы и её свиты оказалось для него неожиданностью. Почему-то из всех многочисленных дел и вопросов, в которые он был погружен в последние недели, именно это ускользнуло от его внимания, хотя и являлось главной причиной всего остального. Отпустив своего крёстного на покой во время их недавней встречи, Людовик не ожидал, что это будет их последней беседой и станет настоящим уходом кардинала не только от государственных дел, но и из земной жизни. Он не признавался в этом никому и даже самому себе, но с уходом Мазарини он ощутил в душе пустоту, как будто пережил смерть отца. Только теперь он осознал, что кардинал был для него тем, кто подлинно воспитал его, вдохновив сделаться настоящим государем, а не марионеткой в руках Королевского совета. Как и многие молодые

люди в его возрасте, вплоть до последней встречи с кардиналом Людовик не выражал внешне свою личную привязанность к крёстному отцу и воспитателю. А после смерти Мазарини он стремился занять себя делами любой степени важности, взвалив на себя всё бремя приготовлений к свадьбе Филиппа и Генриетты, словно видел в этом свой сыновний долг — довести до победного конца последний политический и государственный акт, начатый кардиналом.

— Ваши величества, позвольте представить вам мою невесту — Её высочество Генриетту Стюарт принцессу Английскую! — громко произнёс Филипп, слишком торжественно и с пафосом, который выдал его волнение.

Людовик повернулся к Марии-Терезии, улыбнувшись при виде девичьей радости, осветившей её лицо при слове «невеста». Щёки королевы вспыхнули румянцем так мило и по-детски, что Людовик смягчился и без прежней суровости во взгляде обратился к опустившейся перед ним в глубоком реверансе Генриетте.

— Мы счастливы видеть вас во Франции, дорогая кузина!

В голосе короля звучали отеческие нотки, которые он привык отмечать в приветственных речах крёстного в те времена, когда тот всегда находился рядом с ним по правую сторону от его трона.

Обратив лишь мимолётный взгляд на место, которое прежде занимал Мазарини, Людовик тут же нахмурил брови при виде подобострастной улыбки, обращённой к нему. Суперинтендант Никола Фуке стоял там, словно уже занял пост первого министра. И как только он умудрился протиснуться сквозь толпу сановников, плотно окружающую королевский трон?!

— Мы очень счастливые, да, — повторила на испанский манер Мария-Терезия.

Людовик слегка повернул голову в её сторону, но смотрел он вовсе не на неё, а на Олимпию де Суассон. Не отвечая на его взгляд, графиня сохраняла завидное самообладание несмотря на то, что из-за непреодолимых обстоятельств в это утро так и не состоялась их долгожданная встреча наедине.

За пять минут до выхода из королевских покоев графиня де Суассон сообщила королеве, что внезапная болезнь её супруга, вернувшегося в Париж после инспекции королевских войск в Шампани, требует непрерывного внимания врачей, и она сама была вынуждена просить дозволения королевы не появляться при дворе в ближайшие дни. Конечно же, как и следовало ожидать, королевское дозволение было милостиво и решительно даровано обер-гофмейстерине двора, что испортило настроение Людовику, который был вынужден скрывать все свои чувства под маской беспристрастности. А ведь Олимпия и не подозревала о том, что он готовит для неё грандиозный сюрприз!

Глава 4. Королевский подарок

30 марта 1661 г. Париж, Лувр

Церемония представления ко двору будущей герцогини Орлеанской подошла к завершению. Но Людовик не спешил дать сигнал церемониймейстеру, так как намеревался сделать важное и во всех отношениях громкое заявление в связи с грядущими празднествами.

Он посмотрел на Филиппа и Генриетту с улыбкой, в которой сквозило неприкрытое торжество, и лишь некоторые из хорошо знающих его приближённых заметили в его глазах предвкушение эффекта от готовящегося сюрприза. Людовик вежливо кивнул восторженно вскинутой в лёгкой дрёме Анне Австрийской, подмигнул замершей в нетерпении Марии-Терезии и обвёл взглядом лица присутствующих.

— Дамы и господа! — громко и уверенно он начал произносить заранее подготовленную речь. — В знак безграничной любви к нашему Единственному брату и к нашей дорогой кузине, мы желаем, чтобы празднование их свадьбы стало незабываемым и самым грандиозным событием из всех, которые праздновались до сих пор во Франции. Мы рады объявить о великолепном празднике в королевской резиденции Фонтенбло. Мы приглашаем всех! Королевский двор и все гости, прибывшие от имени дружественных нам государей, приглашены в Фонтенбло. Отъезд королевского двора я назначил на утро, сразу же после подписания брачного договора и венчания молодых в часовне Пале-Рояля.

Генриетта во все глаза смотрела на Людовика, дивясь тому, что менее чем за год со времени их последней встречи из юноши, неуверенного в себе и полагающегося во всём на решения своей матери и министра-кардинала, он сделался настоящим государем, полноправным монархом. В эту минуту в почтительном молчании ему внимали придворные и государственные сановники. Генриетта заметила, что в то время, когда король произносил свою речь, никто не осмелился не то чтобы громко разговаривать, как это было при дворе её брата, короля Англии, но даже и шептаться.

Впрочем, нет! С этим выводом она явно поспешила, заметила она про себя, услышав тихий голос Филиппа:

— Как же он нас любит! Аж сердце затрепетало. Тревожно.

Генриетта повернулась к нему, посмотрела в глаза и с кроткой улыбкой также тихо спросила:

— Неужели? Отчего же вдруг?

— А как же! — вскинув голову, чуть громче отозвался Филипп и, пользуясь удачным моментом, когда по окончании речи Людовик с милостивым выражением лица принимал восторженные овации зала, добавил вполголоса, обращаясь только к Генриетте:

— Он даже не поинтересовался у нас, а хотим ли мы ехать в эту глушь?

— Разве это не сюрприз? — примирительным тоном спросила Генриетта, для виду продолжая улыбаться.

Заминка с ответной речью к королю от герцога Орлеанского сделалась бы очевидной, если бы вместо своего младшего сына не заговорила Анна Австрийская.

Оставаясь в своём кресле, формой не отличающемся от трона, но чуть меньше и ниже, королева-мать заговорила, одновременно обращаясь к Людовику и ко всем присутствующим:

— Мы очень благодарны Вашему величеству за этот сюрприз. Невозможно переоценить ту братскую любовь, которую вы, Сир, всегда питали к Его высочеству. Филипп несказанно польщён и рад, — она выстрелила многозначительным взглядом в сторону герцога, но тот оставался глух к её словам, и, судя по плотно сжатым губам, был намерен хранить демонстративное молчание. — Трудно выразить всю благодарность за этот подарок на свадьбу, а также и за остальные знаки вашего королевского внимания.

По сигналу герцога де Невилля зрители начали выкрикивать поздравления и громко аплодировать. Если бы Филипп перестал дуться и ответил бы королю благодарственной речью, то его голос потонул бы в шуме энергичных аплодисментов и эмоциональных возгласов одобрения.

Не понимая всех нюансов в отношениях между братьями, Генриетта снова улыбнулась Филиппу и, наконец, осмелилась посмотреть в лицо Людовика. Её улыбка сама собой сделалась веселее, стоило ей заметить блеск в серо-голубых глазах. Нет, решительно она не могла взять в толк, отчего Филиппу вздумалось дуться на брата вместо того, чтобы поблагодарить за подарок? Впрочем, в глубине души голос здравого смысла подсказывал ей, что Филипп, скорее всего, рассчитывал самостоятельно принять решение о том, где и как они проведут первые месяцы своей супружеской жизни. Ещё в Лондоне до Генриетты дошёл слух о подаренном Филиппу замке в Сен-Клу, который герцог решил перестроить, превратив его в настоящий дворец с парком и садами по примеру тех, которые сохранились в Италии со времён древнеримских императоров.

Её тихий вздох привлёк внимание Филиппа. Он наклонил к ней голову и, заглянув в глаза, тихо спросил:

— Неужели и у вас тоже есть причины для недовольства?

В его глазах Генриетта видела не удивление, а, скорее, призыв, да такой озорной и дерзкий, что ей с трудом удалось не хихикнуть в ответ и сохранять серьёзное выражение лица.

— Я не могу быть довольной, когда что-то огорчает Ваше высочество, — шепнула она, и холодный отблеск, мелькнувший в его глазах, ледяной иглой кольнул её прямо в сердце.

— Пустяки, — шепнул он и повернулся в сторону стоящего рядом с ним де Гиша, сделав вид, что продолжил начатый разговор.

— Я надеюсь, дорогая кузина, что весеннее солнце и свежий воздух в Фонтенбло украсят первые недели вашей новой жизни в благословенной Франции!

Произнося эту долгую фразу, Людовик тепло смотрел на неё, и Генриетта ощутила, как её сердце оттаивает после холодного выпада Филиппа.

— Несомненно, Сир! Я благодарна вам от всей души! — ответила она, краснея под пристальным взглядом Людовика и не смея отвести глаз от его красивого и мужественного лица. А иначе она заметила бы, как ярко вспыхнули недобрым огнём чёрные глаза графини де Суассон, которая пристально смотрела на неё, стоя за спиной королевы.

Далее торжественную церемонию продолжило повторное официальное представление кавалеров и дам, состоящих в свите герцога и герцогини Орлеанских, на этот раз уже лично королю и королеве. Не найдя в себе смелости для того, чтобы продолжать смотреть на Людовика, Генриетта повернулась лицом к Филиппу. Впрочем, на него она также не смотрела, не решаясь поднять глаза и смотреть выше голубого сапфира в золотой броши, приколотой к кружевному шарфу на шее у герцога.

В эти минуты Генриетта впервые ощутила себя так, словно оказалась под перекрёстным пушечным обстрелом со стороны двух противоборствующих армий. Не решаясь принять открытое участие и расположение к себе со стороны Людовика, она также не могла заставить себя сделать первый шаг, жест или хотя бы посмотреть на Филиппа. Она предоставила ему возможность дуться, сочтя, что если подобное настроение нравилось ему, то отчего бы и нет! Для себя Генриетта решила, что она уже достаточно была куклой в чужих руках, чтобы вновь безропотно принять на себя эту роль ещё и в отношениях с супругом.

Пронзительные и тоскливые ноты, сыгранные скрипачом, отвлекли всех от набившего оскомину пафоса произносимых речей. Генриетта только тогда осознала, что, кроме Людовика и Анны Австрийской, к ней и Филиппу обращались её мать, королева Генриетта Мария, а затем маршал де Грамон, герцог де Креки, а вслед за ними не менее дюжины сановников,

причём каждый счёл важным упомянуть о личном участии в подготовке предстоящей свадьбы и отметить с поздравлениями, пожеланиями счастья вступающим в брачный союз.

Вот, кажется, вновь настал миг краткого единения между ней и Филиппом. Утомившись за время более чем двухчасовой церемонии, они одними лишь взглядами выразили друг другу понимание и сочувствие. В эту минуту между ними воцарилось согласие, которое легко было распознать по выражениям их лиц — это желание без промедления сбежать из Тронного зала. Да что там — из самого Лувра! Умчаться без оглядки и покинуть Париж!

— Теперь вы понимаете, какой это подарок? — спросил Филипп, когда, наконец, повёл её к выходу.

Ехидный тон этого вопроса был вполне оправдан, и, уже не принимая его на собственный счёт, Генриетта лишь кивнула, сопроводив своё молчаливое выражение согласия понимающей, хотя и немного усталой улыбкой.

— Будьте готовы к тому, что вот так нам придётся провести ещё месяц или два: до тех пор, пока Луи не надоест играть роль опекуна или пока он не найдёт для себя другую забаву.

— А это может надоесть нашему блистательному королю?

Вопрос, заданный не только вслух и достаточно громко, но и бесцеремонно, вызвал вспышку румянца на щеках Генриетты.

Обернувшись, она увидела шедшего по правую руку от Филиппа молодого человека с пышной копной светло-золотистых кудрей, которые обрамляли пухлощёкое бледное лицо с розовым румянцем на щеках. В свете солнечных лучей, осветивших галерею, которую они пересекали, казалось, что над головой у юноши возник золотистый нимб, который художники так любят изображать над головами святых.

— Ах, Фило, дорогуша! Не сыпь мне соль на раны, — простонал Филипп с неестественным и, как показалось Генриетте, томным выражением лица.

— Но это так. Я предупреждал, что начать строительство в Сен-Клу нужно было не откладывая. Сейчас он не отпустит нас!

Последнее слово резануло слух Генриетты, и она закашлялась, словно поперхнувшись на вздохе. К её досаде, позже переросшей в удивление, ни этот златокудрый юнец Филипп де Лоррен, ни внемлющий ему Филипп не обратили на её реакцию никакого внимания.

— Терпение, милый Фило, — медовым голосом увещевал друга Филипп, и Генриетта заметила на его лице выражение нежности, словно он говорил с любимым младшим братом. — Мы ещё найдём повод для того, чтобы сбежать. В конце концов, у нас есть целый Пале-Рояль! Вернёмся в Париж, а Людовик вместе со всем двором пусть себе празднует всё, что ему вздумается, в лесной глуши.

— Нетушки! — не удержалась Генриетта, и Филипп обернулся к ней с таким удивлением, словно впервые заметил её присутствие.

— Что вы хотите сказать, душа моя? — поинтересовался он минуту погодя, и в этом вежливом вопросе отсутствовали тёплые нотки, звучавшие всего пять минут назад. Казалось, будто Филипп приберегал всю нежность и душевное тепло сугубо для общения с Шевалье, который надул пухлые губки в картинном выражении недовольства, стоило герцогу отвлечь своё внимание от него.

— Я хочу, чтобы наш праздник был действительно таковым, — слегка замешкавшись с ответом, произнесла Генриетта и снова покраснела, на этот раз из-за обращённого на неё насмешливого взгляда Шевалье.

— Да. И я желаю того же! И ничуть не меньше, — как ни странно, Филипп поддержал её на этот раз и резко шикнул на де Лоррена, стоило тому открыть рот для того, чтобы отпустить ремарку в своём излюбленном пренебрежительном тоне.

Генриетта и сама была не рада тому, что встряла в их разговор, точнее настояла на своём участии в нём наравне с де Лорреном, во взгляде которого теперь плескался холодок. Она шла,

опираясь на руку Филиппа, и с каждой минутой всё меньше чувствовала себя всеми ожидаемой и любимой невестой дофина Франции, которой ощущала себя с момента объявления об их помолвке.

— Уф! На силу смогла прорваться сквозь толпу и догнать вас! — послышался слева от неё весёлый голос Катрин де Монако, и Генриетта с благодарностью ощутила мягкое прикосновение к своей руке тёплых пальцев.

— Мне пришлось отстоять до конца и выслушать ещё парочку речей напоследок. Позже нам предстоит принять клятвы от ваших фрейлин и статс-дам, дорогая Мадам! — всё тем же весёлым голосом пожаловалась она и участливо посмотрела на принцессу. — Вы в порядке, Анриэтт? У вас такие печальные глаза!

— Да-да, я в порядке. Отчего вы спросили? — испуганно задала вопрос Генриетта.

— Выглядите вы неважно. Кстати, как и ваш Бэкингам. И это печально, — шепнула Катрин, и, ответив смелой улыбкой на полный иронии взгляд де Лоррена, обращённый в их сторону, шепнула:

— Не обращайтесь внимания на Шевалье. Он кусается, но это не смертельно. С ним лучше держаться нейтрально и с прохладцей, нежели открыто соперничать и ненавидеть.

— С чего вы взяли, что я его ненавижу? И почему вдруг... Соперничать? — возмутилась Генриетта, которой было неприятно признаться даже самой себе в проявлении ревности по отношению к Шевалье, стоило тому появиться возле Филиппа.

— Потому что все вокруг его ненавидят, — пояснила Катрин и стрельнула вызывающе-пренебрежительным взглядом в сторону Шевалье и присоединившегося к нему маркиза д'Эффия. — Остальные друзья Филиппа не ведут себя столь же дерзко и нагло.

— Спасибо, я буду иметь в виду, — произнесла Генриетта. — Нас теперь отпустят или в повестке дня есть ещё что-то, кроме клятв нашей свиты?

— Хвала богам, после этого всё закончится до утра! — радостно пообещала Катрин, даже не потрудившись понизить голос, и, кроме самой Генриетты, на неё благодарно посмотрели Филипп и шедшие справа от него приятели.

Такое же облегчение проявилось на лицах всей новой свиты Орлеанского дома, включая и королевских гвардейцев, которым был дан приказ сопровождать их в Пале-Рояль.

— Ужин будет подан в отдельных покоях, — тоном, не терпящим возражений, заявил Филипп.

На этот раз Генриетта была благодарна за принятое решение, пусть и без её участия. Она охотно кивнула в ответ и даже подарила герцогу улыбку, что было тут же воспринято наблюдающими за ними придворными как знак взаимного согласия между будущими супругами.

— Но что случилось с Джорджем? — спросила Генриетта сразу же, как только Филипп отвлёкся на шепчущего ему на ухо скабрёзные шутки де Лоррена.

— Как, вы ничего не заметили? Да он мрачнее тучи! А какие молнии мечет! Де Гиш, глупец, принял это на свой счёт, и между ними едва не завязалась ссора. Хвала всем святым и демонам, что поблизости оказался дю Плесси-Бельер! Маркиз — душка! Он свёл на шутку гневные выпады герцога и увёл прочь взбесившегося де Гиша.

— Боже правый! — изумрудные глаза Генриетты округлились в испуге, и она невольно вздрогнула, встряхнув руку Филиппа, который в это время увлечённо беседовал с повисшим на его плече де Лорреном.

— Ничего страшного! — Катрин со смехом похлопала Генриетту по руке и лукаво подмигнула. — Мужчины будут терять рассудок из-за ваших прекрасных глаз, моя дорогая! А уж на что только они не пойдут ради вашей улыбки... Вам придётся привыкать и к этому.

Глава 5. Сила уступает нежности

30 марта 1661 г. Париж, Лувр

Торжествующий блеск в глазах погас и выражение триумфа исчезло в один миг, словно это был лишь умело нанесённый актёрский грим. Людовик вошёл в кабинет мрачный, как туча, под спудом тревог и сомнений. В тяжёлом взгляде серо-голубых глаз читалось нежелание видеть кого бы то ни было. Понимая значение этого взгляда, сопровождающие его придворные с почтительными поклонами остались за порогом.

Людовик жестом приказал стоявшим в карауле гвардейцам оставить двери в кабинет открытыми, и с появлением маршала двора это распоряжение получило своё объяснение: король желал видеть дю Плесси-Бельера немедленно, и, судя по всему, его ожидал суровый разнос или срочное поручение. Тихий гул пересудов в приёмной усилился в следующее мгновение после того, как двери королевского кабинета захлопнулись за спиной у маршала, и каждый торопился поделиться догадками о происходящем.

— А вы не очень-то и спешили, дю Плесси-Бельер!

Этой фразой Людовик встречал его всякий раз, когда хотел поручить нечто важное. Маркиз понимал особое значение такого приветствия и, следуя негласному правилу, с виноватым видом склонился перед королём:

— Я бы нёсся со скоростью арабского скакуна, Сир, если бы знал, насколько важно моё присутствие!

— Ладно, ладно, — губы Людовика дрогнули в скупой улыбке. — Мне казалось, что вы следовали за мной, однако я — здесь, а вы явились через четверть часа! Что задержало вас?

— Пустяк, Ваше величество, — беспечно ответил дю Плесси-Бельер, однако в его глазах не было и тени улыбки.

Он подошёл к окну и бросил взгляд на вереницу экипажей отбывающих из Лувра придворных.

— А как имя этого пустяка, маркиз?

— Джордж Вильерс герцог Бэкингем, — подражая манерной речи церемониймейстера, ответил дю Плесси-Бельер и кивком головы указал на экипаж с четвёркой вороных с пышными султанами из алых перьев на головах, покрытых сверкающими золотым шитьём попонами.

— А... — разочарованно протянул Людовик и встал рядом с ним.

Однако его внимание привлекла другая карета, на дверцах которой красовались гербы Савойи и Бурбонов, принадлежащих Великому графу де Суассону. Пассажиры уже заняли свои места внутри, но Людовик смотрел на занавешенные парчовыми занавесками окошки в надежде хотя бы мельком увидеть лицо Олимпии и перехватить обращённый в его сторону взгляд.

— Вы, должно быть, обратили внимание на то, что, не являясь формально главой посольства короля Карла, герцог ведёт себя как его полномочный представитель?

Людовик резко повернулся к маркизу. В серо-голубых глазах блеснули искорки долго и тщательно скрываемого недовольства:

— Мы с вами одни, говорите прямо! Избавьте меня хотя бы сейчас от необходимости расшифровывать намёки. Сейчас вряд ли кто-нибудь, кроме меня, оценит ваше остроумие, а мне не до того.

— Отлично! — кивнул маркиз и заговорил, глядя королю прямо в глаза:

— С недавних пор я заметил, что герцог Бэкингем вызывает раздражение, я бы даже сказал, ревность дворян из свиты герцога Орлеанского.

— Что? — Людовик вопросительно смотрел на маркиза, ожидая, что тот в очередной раз сведёт всё к легкомысленной шутке и его собственные подозрения окажутся надуманными пустяками.

— Я сказал всё, как оно есть, Сир. Бэкингом вызывает ревность дворян из свиты Месье. Ревность друзей, которые не терпят того, что имя герцога Орлеанского упоминают в связи со слухами о скандальном поведении чужеземца.

— И всё-таки вы не говорите прямо, маркиз. Постарайтесь же обойтись без намёков, я приказываю!

— Хорошо, Сир, — дю Плесси-Бельер опустил повинную голову и в знак согласия взмахнул руками. — Хорошо, я скажу вам то, что никто не решается облечь в слова!

Нежелание маркиза высказать вслух то, о чём не первый день судачат при дворе, раздражало. Это могло означать лишь одно: ситуация вокруг Генриетты действительно накалялась, и в любой момент мог разразиться скандал. Людовик же, в свою очередь, вовсе не желал прослыть в глазах двора и прежде всего в глазах своей кузины близоруким святошей, который спешит осудить любое проявление чувств, даже самых чистых и благородных.

— Я и сам могу сказать это... — однако вместо того, чтобы продолжить, Людовик умолк и простоял некоторое время у окна, глядя на то, как одна за другой кареты выезжают из внутреннего двора Лувра.

— Сир?

— Да! Всё так! Из Кале до меня дошли слухи о неподобающем поведении герцога. А сегодня я и сам смог убедиться в их правоте. Но всё это ни в коем случае не должно бросить тень на репутацию моей кузины, — произнёс Людовик, нервно сминая в руке тонкую перчатку. — Необходимо довести до сведения герцога, что подобное преследование принцессы неприемлемо.

— Боюсь, это лишь усугубит ситуацию, Сир. Будьте готовы к тому, что это может стать достоянием гласности, и кое-кто даже усмотрит в этом желание Вашего величества удалить герцога от двора во избежание ссоры с Месье.

— Что? С чего бы это? Нет! Ссора с Филиппом?

— Могут пойти слухи и о том, что Ваше величество пожелали избавиться от соперника, — тихо произнёс дю Плесси-Бельер, из-под полуприкрытых век следя за реакцией короля.

— Чёрт возьми! Это уже слишком! Похоже, что юная Анриэтт, сама того не зная, станет причиной раздора!

— Когда я сказал о ревности, Сир, то именно это и имел в виду, — возразил дю Плесси-Бельер и закончил свою мысль:

— Её высочество может оказаться в центре скандала, который в итоге приведёт к дуэли.

— Я не позволю! Имейте в виду, последствия будут суровы для всех без исключений! — пригрозил Людовик.

Король не жаловал дуэли, поскольку видел в этой дворянской вольности прежде всего проявление неуважения к себе и своему монаршему авторитету, будучи уверенным в том, что является единственным арбитром и судьёй в вопросах чести.

— Сир, у нас есть возможность предотвратить все раздоры на корню, пока дело не зашло слишком далеко.

Дю Плесси-Бельер прошёлся по кабинету, заложив руки за спину, словно они обсуждали план осады вражеской крепости. Людовик молчал, с каждой минутой мрачняя всё больше.

— Нам необходимо отвлечь внимание герцога, — высказался наконец дю Плесси-Бельер и остановился возле рабочего стола. — У меня есть соображение на этот счёт.

— Вот как? — глядя на то, как маршал открыл крышку секретера, Людовик поморщился. — Вы же не хотите предложить мне лично отдать приказ Бэкингу покинуть Париж?

— О нет! Вы не можете позволить себе подобного, Сир! Это будет полный провал вашей дипломатии. Ваши враги будут целый месяц праздновать победу. Лучшего подарка Штатгальтеру Нидерландов и не придумать!

— Что вы тогда предлагаете?

— Почему бы вам не пригласить ко двору особу, которая сумеет отвлечь внимание герцога. Тогда и не потребуются доводить до его сведения ничего из того, что вам не хотелось бы высказывать в приказном порядке.

Предложение прозвучало весьма заманчиво, но Людовик с недоверием смотрел на то, как маркиз взял бювар с чистой бумагой и обмакнул перо в чернильницу, намереваясь написать письмо.

— Эта особа, о ком вы говорите, кто она? Я знаю её? Почему же она не при дворе?

— Да, Сир. Вы знаете её. Эта особа известна в светских кругах и при дворе. Её слова будет достаточно там, где бессильны все разумные доводы и даже приказы Вашего величества.

— Вот как? — гадая, которая из всех известных ему дам могла обладать таким даром внушения, Людовик озадаченно смотрел на то, как дю Плесси-Бельер выводит ровные строки на чистом листе.

— Именно, Сир! Когда аргументы Марса иссякли или они могут навредить репутации, следует уступить главенство Венере.

— Маршал, вы забываетесь! Вы что же, хотите, чтобы я...

— Сир! Я только прошу помощи у женщины, которая способна повлиять на ситуацию без лишней шумихи.

Выдохнув, Людовик отвернулся к окну. Ему потребовалось недюжинное усилие для того, чтобы взять себя в руки и перестать думать о той, кто имеет столь же сильное влияние на него самого. Графиня де Суассон силой своей улыбки была способна склонить его к тому, чтобы изменить решение, хотя он никогда не признавал этого вслух. Но маршал не посмел бы предложить ему обратиться к Олимпии с просьбой оказать подобную услугу! Речь ведь идёт о том, чтобы отвлечь внимание Бэкингема от Генриетты? Людовик с сомнением задал самому себе вопрос: или всё-таки посмел бы?

— Плесси-Бельер! — тихо позвал он, не оборачиваясь к маркизу. — Скажите мне, кто та особа, которой вы пишете?

— Это мадемуазель де Ланкло, Сир, — не отрываясь от письма, ответил маркиз.

Реакция короля не замедлила последовать, и это был выдох радости и облегчения одновременно. Людовик просиял в улыбке, но в следующий миг вновь помрачнел и озвучил свои сомнения:

— Из этой затеи ничего не выйдет. Мадемуазель де Ланкло находится в монастыре по приказу королевы-матери. Это не в моей власти, маркиз.

— Во Франции нет ничего, что было бы неподвластно Вашему величеству! — дю Плесси-Бельер с намёком посмотрел на стопку чистых листов бумаги. — Вашей подписи, Сир, будет достаточно для того, чтобы мадемуазель отпустили. Никто, даже сам архиепископ Лионский, не посмеет ослушаться королевского приказа.

— Но двор отъезжает в Фонтенбло уже завтра. Как же она успеет там появиться?

— Это детали, Сир! Я пошлю приказ с доверенным человеком. Предложу воспользоваться моей каретой, которую предоставят в распоряжение мадемуазель де Ланкло.

— Хорошо. Если её появление в Фонтенбло поможет разрешить щекотливую ситуацию с Бэкингом, то я согласен выслушать матушкины упрёки, — Людовик сел за стол и взялся за перо. — В конце концов, наставления от Её величества — это малая цена за предотвращение дипломатического скандала.

— Так оно и есть! — кратко ответил маркиз на плохо скрытое непочтение короля в адрес материнской опеки и положил письмо к мадемуазель де Ланкло с приглашением от имени

короля прибыть ко двору в Фонтенбло на празднование свадьбы Филиппа Орлеанского и принцессы Генриетты.

После того, как приглашение к одной из самых незаурядных женщин французского высшего света было подписано Людовиком и скреплено его личной печатью, маркиз сложил лист второе и спрятал за отворотом жюстокора. С прощальным поклоном он отступил к дверям, когда король негромко позвал его:

— Плесси-Бельер...

Людовик нервно покручивал в руке перо, и чёрные капли упали на лежавший перед ним чистый лист бумаги. Он отложил перо, поднялся из-за стола и отошёл к окну, встав спиной к дверям.

— Плесси-Бельер! — ещё раз негромко позвал он, когда маршал переступил порог кабинета.

— Да, сир! — услышав в тихом призыве нотки просьбы, Франсуа-Анри развернулся и подошёл поближе.

Людовик упёрся лбом в стекло, разглядывая небо над крышами дворца.

— Вы поедете по улице дю Фуа? — спросил он и перевёл взгляд на карету с гербами герцога де Креки, на крыше которой по углам колыхались султаны из синих перьев.

— Да, мне придётся проехать по той улице, — ответил маркиз также тихо, и Людовик, занятый своими мыслями, не уловил того, как дрогнул голос его конфиденанта.

— Отвезите для неё букет!

— Цветы? — не удержался от ироничного тона Франсуа-Анри, понимая, что на этот раз Людовик оказался в куда более сложной ситуации в своих отношениях с Олимпией, чтобы рассчитывать на её прощение ценой лишь одного букета цветов, даже если это и были самые первые розы во всём Париже.

— А вы полагаете, что этого будет недостаточно? — поняв его намёк, спросил Людовик и взглянул в лицо маркиза.

— Смотря для чего, сир, — уклонился от прямого ответа тот.

— Ни для чего! — сорвался на крик Людовик, осознавая, что оказался в тупике. — Ни для чего, — чуть спокойнее повторил он. — Я просто хотел оказать знак внимания графине.

— Но не лично?

Какое-то время оба смотрели друг на друга, не произнеся ни слова. Людовика сердила правота маркиза, а того волновало, насколько глубокого была задета гордость графини де Суассон, и не нанесёт ли его визит ещё больший урон их отношениям.

— Я не могу, — наконец вымолвил Людовик. — Вы же знаете, меня ждут к ужину у королевы Англии. Моё отсутствие...

— О, ваше отсутствие с лёгкостью переживут и пережуют, — с усмешкой перебил Франсуа-Анри. — А что не пережуют, так запьют хорошим испанским вином. Всё это пустяки, Сир! Ваше присутствие будет отмечено только в начале ужина. А потом вы можете исчезнуть. Поверьте моему слову, за длинными речами герцога де Креки и остроумными тостами маршала де Грамона ваше отсутствие не омрачит общего веселья за столом. Скорее уж покажется любопытным фактом. Но на этот счёт можно провести подготовительные манёвры.

— И какие же? — Людовика заинтересовал, скорее, лукавый тон маршала, нежели смысл его новой выдумки.

— Я пушу слух о том, что вы заняты, обдумывая последние штрихи в подготовке балета. Это вполне убедительно, тем более что я сам собираюсь отправиться туда ещё сегодня вечером.

— И ваше инкогнито полетит прахом, — заметил Людовик.

— Не совсем, — поправил его Франсуа-Анри. — О моём отъезде будут говорить сегодня вечером в Лувре. А в Фонтенбло никто не будет ждать меня до завтрашнего полудня. Ну разве что у шпионов имеются не только длинные уши, но и ещё более длинные ноги.

— Или крылья, — прозвучало последнее возражение Людовика, и оба они рассмеялись, не предполагая того, насколько верной окажется брошенная вскользь шутка.

— Итак, — оживившись, продолжил дю Плесси-Бельер. — Я поеду первым...

— Да. Я же приеду после вас. Букет послужит приглашением на свидание. Вы передадите его ей в руки? Она будет ждать, я знаю. Ведь я же не ошибаюсь на собственный счёт?

— Я не могу ничего сказать за графиню, Сир, — дипломатичный тон маршала вызвал вспышку недовольства в глазах Людовика.

— Поезжайте! — приказал он. — Нет! Сначала подите к Ленотру. Он обещал мне, что приготовит для меня самые красивые розы к сегодняшнему вечеру. Пусть отдаст их вам. А затем поспешите к ней! А после — в Фонтенбло. Так-то будет лучше. Всё это наверняка сойдёт с толку шпионов.

— Вы полагаете, Сир, что хоть кто-нибудь во всём свете поверит в то, что графиня принимает мои ухаживания?

За сарказмом этого вопроса скрывалась явная горечь, поэтому Франсуа-Анри поспешил исправить допущенную оплошность за усмешкой:

— Впрочем, люди слепы! Особенно, когда они пытаются найти логику в делах сердечных.

— Вот именно! — согласился Людовик. — Тем более, что верить и не следует. Те, кому это действительно необходимо, увидят в этом ваши попытки ухаживать за графиней. Этого будет достаточно.

— Так я отправлюсь сейчас же! Когда следует ожидать вашего приезда?

— Я не заставлю долго ждать себя. На приёме я начну сразу же с поздравлений тётушке в связи с предстоящей свадьбой кузины.

Франсуа-Анри опустил глаза, скрывая интерес к тому, сколько времени у него оставалось для того, чтобы добиться встречи с Олимпией и расположить её если не к разговору наедине, то хотя бы к тому, чтобы принять неожиданный подарок от Людовика. Сердце глубоко и больно кольнуло, стоило ему представить те эмоции и чувства, которые вызовет весть о королевском приезде. И может быть, недовольство тем, что он посмел явиться к ней в качестве гонца, сменится на милость в виде мимолётной, но столь вдохновляющей улыбки? Но кому будет адресована эта радость? Ему ли? О нет! Скорее всего тому, кто послал его.

Глава 6. Переполох в Париже

30 марта 1661 г. Париж, дворец Бурбон

Пожар в начинённом порохом арсенале не вызвал бы такого переполоха, как возвращение Великой графини де Суассон в Бурбонский дворец после приёма в Лувре. И было отчего! Ведь сразу после торжественного представления будущей герцогини Орлеанской Его величество объявил о намерении отправиться в Фонтенбло. Именно там, в самой красивой и легендарной, хотя и не близкой к Парижу королевской резиденции, Людовик решил устроить пышные празднества в честь женитьбы своего Единственного брата. И объявил он об этом, подгадав удачный момент, когда собравшаяся в только что перестроенном и обновлённом Лувре публика, состоящая из именитых горожан и придворных, не ожидая подвоха от нового сюрприза, была захвачена врасплох. Ажиотаж и бурный восторг захлестнул всех, без разбора титулов и статусов: от только что представленных ко двору юных дебютанток до почтенных сановников и статс-дам. Как оказалось, в числе гостей на праздники в Фонтенбло были приглашены даже не представленные ко двору мелкие дворяне из провинций, которым заранее были разосланы именнные письма с королевским приглашением.

— И всё ради дутого сюрприза! — заламывая руки, восклицала Олимпия де Суассон, поднимаясь по мраморным ступенькам парадной лестницы. — Ради аплодисментов глупцов из парижских предместий! Как будто ему мало восторгов и оваций после каждого представления на сцене? Зачем? Почему именно теперь? Почему не рассказать обо всём мне первой? Все эти сюрпризы — для кого они?

Войдя в свои покои, Олимпия отшвырнула прочь перчатки из тонкого, полупрозрачного шёлка, прошла несколько раз по кругу, прежде чем упасть в глубокое кресло напротив широкого зева камина, скрытого ажурной чугунной решёткой.

— Подать вам розовой воды, мадам? — тихо спросила служанка, всё утро прождавшая возвращения госпожи.

— Нет! Не сейчас! — графиня опустила голову и подпёрла щеку ладонью, устремив взгляд на проглядывающие сквозь каминную решетку серые холмики пепла.

С грохотом распахнулись двери, и в покои влетела младшая из сестёр Манчини, Гортензия, вот уже почти месяц как ставшая по мужу герцогиней де Мазарен.

— Ах, какой сюрприз! Какая выдумка! Это же прелесть что за идея: перевезти весь двор за город!

Не прекращая полные восторга восхваления королевской затеи, она подбежала к туалетному столику, присела на обитый бархатом табурет и повернулась лицом к трёхстворчатому зеркалу.

— И всё-таки мне не хватает пудры на щеках, — чуть менее радостно констатировала она, изучая своё отражение. — Как же тебе повезло, Олимпия, душа моя! У тебя такой ровный цвет лица, что и пудры никакой не нужно.

Лицо Гортензии было чуть более смуглым, чем у старшей сестры, но его оживлял свежий румянец, игравший на щеках после полуденной поездки в карете. В отличие от Олимпии, в карих глазах которой играли янтарные всполохи, похожие на отражение солнечных лучей, глаза Гортензии были чёрные, как огромные агаты, и таинственно поблёскивали в тени длинных ресниц.

— Сюрприз! — недовольно повторила Олимпия. — Скажешь тоже! Нет ничего хуже сюрпризов, к которым ты совершенно не готова.

— А что такого? — Гортензия схватила пуховку, утопавшую в глубокой фарфоровой баночке с пудрой, и похлопала ею по лбу, носу и щекам, подняв белоснежное облачко ароматной пыли.

— Как это «что такого?» — возмутилась её беспечности Олимпия. — А переезды? А сборы в дорогу? Вот ты когда надумаешь собирать свои дорожные сундуки, моя дорогая? По-твоему, что же, все необходимые тебе вещи сами собой уложатся? Да ещё и доставят сами себя в ту глушь, которую на этот раз избрали для переезда всего двора! Как это он назвал Фонтенбло? «Волшебная страна» ... — она скривила красивые губы цвета спелой вишни в недовольной усмешке. — Загородная королевская резиденция!

— Да, но ведь Его величество желает устроить по-настоящему волшебный праздник! Что может быть лучше, чем превратить свадьбу Филиппа и Генриетты во что-то значимое для всех! На месте принцессы я была бы только рада.

— Ах, избавь меня! — закрыв ладонью глаза, с патетикой в голосе простонала Олимпия.

Она была потрясена и ошеломлена тем, что Людовик не обмолвился с ней ни единым словом об этой затее. А ведь она чувствовала, знала и предвидела, что что-то готовится! Все эти недомолвки, постоянные шептания с Бонтаном и бесконечные доклады виконта де Во! Конечно же, нельзя было сказать, что Людовик затеял всё это один. Без пристального надзора королевы-матери тут не обошлось, а суперинтендант Фуке — этот виконт де Во — собственно и был её ставленником. Но почему Людовик ни разу не поговорил с ней о своих планах? Не предупредил об отъезде, тогда как теперь это она являлась обер-гофмейстериной двора королевы Марии-Терезии, и ей важно знать о таком грандиозном событии заранее? О, каким унижением было увидеть торжество на лице испанки — этот блеск в похожих на рыбы, льди-сто-голубых глазах навывкате! И эта её фраза на ломаном французском... лучше бы ей и вовсе молчать или говорить через своих менин по-испански! Всякий раз, когда ей подворачивалась такая возможность, Мария-Терезия не упускала случая отдать непременно срочное приказание для немедленного исполнения своей «Главной Даме Двора». Завидуя постоянству и теплу в отношениях, которые сохранились между Людовиком и Олимпией, несмотря на замужество и материнство графини, Мария-Терезия, подобно обессиленной змее, плюющей ядом, бросала в её адрес незаслуженные и обидные упрёки, раздавала сотни мелочных приказаний, которые должна исполнять камеристка или же кастелянша, но никак не Великая графиня, связанная родством с княжеским домом Савойи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.